

Паульман Валерий Федорович

Правда о путче и могильщике СССР Горбачеве

Содержание

1. Предисловие.....	2
2 Политика М.Горбачева и Ко.....	12
3. Ново-огаревский тупик.....	24
4. Форос.....	30
5. Образование ГКЧП.....	53
6. Причины поражения ГКЧП.....	65
7. Суд над путчистами.....	72
8. Послесловие.....	100
Приложение 1.....	105
Приложение 2.....	107

От редакции сайта ИНО:

Представляем Вашему вниманию работу Валерия Федоровича Паульмана, занимавшего в последнем правительстве СССР пост Министра труда и социального развития, человека искренних левых воззрений. Автор написал свыше 180 произведений, в том числе 4 монографии. Не отрицая глубинного характера поворота в истории объединенных в Союз стран, выразившемся в массовой активности и массовых настроениях в пользу реставрации явного капитализма и широкого рынка, Паульман ставит вопрос о роли в процессе Михаила Горбачева как исторической фигуры, и характере развернувшегося аппаратного процесса, приведшего к образованию ГКЧП и столкновению «путчистов» и «демократов». Работа изобилует интересными подробностями, иллюстрирую всю сложность и малопонятность того исторического момента. Трагедией части советской номенклатуры, пытавшейся остановить катастрофический сценарий преобразований была её нерешительность и непонимание необходимости перемен, а значит крайней необходимости как можно ранее начать управления ими и корректировать желания общества, уже ясно куда нацеленные; по сути советская бюрократия пережила время своих возможностей и это обрекло ГКЧП на поражение. Еще более трагичной покажется ситуация, если вспомнить, что окаменелая советская «марксистская наука» не давала практикам никакой информации о сути советского общества, о необходимых направлениях его неминуемой эволюции, а значит об инструментах и особенностях противника. Но как возникло и развивалось аппаратное движение

ГКЧП? Какие неконкретные причины, по мнению Паульмана, обрекли его на поражение? Легко ли понять все это?

1.Предисловие

Все, что хотел сделать с СССР Гитлер, сделал Горбачев.

Горбачев поучал, указывал, менторствовал и всегда уходил от ответственности.

Д.Язов

Если бы вы, господин Буш, захотели бы уничтожить Советский Союз, вы бы сделали по-другому, чем Горбачев?

Киссинджер

Я-то думал, на Кубу высадился отряд недобитых контрреволюционеров, а это Горбачев примчался со своей свитой.

Ф.Кастро

Написать этот очерк меня вдохновила книга воспоминаний члена ГКЧП Дмитрия Язова «Август 1991. Где была армия?».

Путч в августе 1991 года явился водоразделом между социализмом и диким капитализмом на территории бывшего СССР. Он вновь подтвердил справедливость той истины, что надстройка, в частности ее политическая составляющая может серьезно влиять на систему общественных отношений вплоть до смены данного социально-экономического способа производства.

Члены ГКЧП пытались спасти СССР и социализм, но им этого сделать не удалось. Возобладал контрреволюционный переворот.

ГКЧП – словно пограничный столб с двумя указателями: на одном написано «Вперед к социализму!», а на втором – «Назад к капитализму!».

Показания членов ГКЧП во время следствия, а также опубликованные ими воспоминания о путче высветили, как прожектором, все пороки диктатуры партийно-государственного аппарата и убожество руководителей страны.

Как говорится, нет худа без добра. Так и в этом случае. Путч открыл дорогу «демократам» и националистам, свергшим страну в пучину дикого капитализма. Ведь это факт, что население к 1991 году было крайне политизировано и сбито с толку. Мутный иррациональный поток, захвативший сознание огромных масс населения советского общества, служил интересам «демократов» во главе с такими политиками, как Г.Попов, А.Шохин и им подобные, выдвинувших своим лидером при поддержке США алкоголика Б.Ельцина. Им нужен был таран для развала СССР и с этой ролью Б.Ельцин справился блестяще. Суверенизация, самостоятельность, децентрализация, антикоммунизм расцвели

махровым цветом. Ликвидация ГКЧП дала возможность вкусить жаждавшим радикальных перемен все прелести свободы жестокой эксплуатации и беспредела властей, а также кровавой междуусобицы народов некогда великой державы. Довольно быстро пелена заблуждений спала с глаз десятков миллионов граждан. Не мытьем, так катаньем. Видимо, другого способа изменить общественное сознание не существует.

Крах Советского Союза в данных исторических условиях был неизбежным (см. мою монографию «Мир на перекрестке четырех дорог. Прогноз судьбы человечества», глава 5-ая - http://lit.lib.ru/p/paulxman_w_f/text_0020.shtml).

Путч созревал постепенно, а не только в дни, предшествующие образованию ГКЧП. Первый этап охватывает годы *перестройки* (1985 г. - середина 1991 г.г.). Второй этап – работа над новым Договором о Союзе суверенных государств в Ново-Огареве. Третий этап - переговоры членов ГКЧП с М.Горбачевым в Форосе 18 августа 1991 года.

Я был не только свидетелем, но и в какой-то мере непосредственным участником событий 1991 года будучи Министром труда и социальных вопросов в союзном правительстве, возглавляемым В.Павловым. Вспоминаю свою беседу с ним непосредственно после вызова в Москву с Кубы, где я работал представителем Госплана СССР. Первый же вопрос, который он мне задал, касался общей ситуации в стране, как она видится издалека, с берегов Кубы. Отвечая, я откровенно сказал ему, что в стране идет совершенно неуправляемый процесс. Реакция В.Павлова на мой ответ была мгновенной. Он сказал, что я попал в десятку. Именно так и обстоят дела на самом деле. Правительство бессильно предпринять что-нибудь серьезное. Все упирается в М.Горбачева. Он долго рассуждал на эту тему, высказывая наиболее болезненное. В конце беседы В.Павлов сказал, что будет

выдвигать мою кандидатуру на пост Министра труда и социальных вопросов. Я дал свое согласие, хотя и понимал, что СССР разваливается и страна обречена. Трагическая развязка - это лишь вопрос нескольких месяцев, и мне придется покинуть Кубу в любом случае. Лучше раньше, чем позже с позором. Фидель Кастро, а я в этом был абсолютно уверен, также понимал, что дни Советского Союза сочтены. Об этом я узнал из последней беседы с Председателем кубинского Госплана А.Р.Маурелем. Да и Фидель Кастро своего мнения на этот счет не скрывал, часто выступая перед кубинским народом.

Работая в Минтруде, я с каждым днем все больше и больше убеждался в том, что Президент Российской Федерации Б.Ельцин проводит политику бескомпромиссной и беспощадной войны с центральной общесоюзной властью, добиваясь развала СССР. В социальной сфере он использовал набор популистских мер, которые подрывали основы межреспубликанского сотрудничества, вели к разбалансированию денежного обращения и обострению дефицита на рынке товаров народного потребления и услуг. Мне порой было искренне жаль Министра труда РСФСР В.Калашникова, который во время совещаний в Минтруде, которые мы проводили с участием представителей союзных республик, часто отлучался, чтобы посоветоваться по той или иной проблеме с администрацией Б.Ельцина. И такие походы, как правило, завершались несогласием России одобрить тот или иной документ, который другие республики уже готовы были парафировать.

Я не буду подробно описывать ситуацию, которая сложилась летом 1991 года. Коротко говоря, она была катастрофической. Страну сотрясали манифестации, митинги, забастовки. Последние организовывались, как правило, т.н. "независимыми" профсоюзами, которые имели тесные контакты с зарубежьем. Забастовка воркутинских шахтеров, состоявшаяся в мае 1991 года, была настолько

грозной, что М.Горбачев собрал у себя экстренное совещание для выработки мер по ее прекращению. На нем присутствовали В.Павлов, его заместитель В.Щербаков, министр финансов В.Орлов и я. Совещались долго. В.Павлов все время молчал, сидел багровый и насупившийся. Часа через два в небольшую комнату, где мы сидели за круглым столом, вошел помощник М.Горбачева и что-то ему шепнул. Тот объявил перерыв. Мы с В.Щербаковым были заядлыми курильщиками и первым делом выбежали в длинный кремлевский коридор, где с наслаждением затянулись дымом от сигареты. Дверь в приемную М.Горбачева была открыта. И вдруг послышался голос М.Горбачева, приглашавшего нас прийти. Оказывается, по программе "Время" начали показывать репортаж о заключительной пресс-конференции М.Горбачева в Токио в последний день его официального визита в Японию. Мы с досадой бросили недокуренные сигареты и встали рядом с М.Горбачевым, который с явным удовольствием смотрел репортаж. В какой-то момент он громко рассмеялся и, толкнув меня плечом, сказал: "Ну как, здорово я его подцепил, а?" Он прямо-таки сиял от радости, ибо, по его мнению, он ловко сумел ответить на каверзный вопрос какого-то журналиста. Я пишу об этом эпизоде, чтобы показать натуру М.Горбачева. Характерными чертами его характера были тщеславие и самонадеянность. Поведение В.Павлова было как бы контрастом поведению М.Горбачева. Действительно, ну какое значение имел удачный ответ на пресс-конференции в Японии на фоне темы вечернего совещания! Так и хотелось сказать про него: *как с гуся вода!* Да и сегодня, когда он отвечает на вопросы журналистов о развале СССР и своей личной ответственности за эту трагедию, он, как в ни в чем не бывало, говорит о том, что он дал людям свободу и все, что произошло в 1991 году, - это, мол, не следствие его политики. Совещание продолжалось еще долго. Мы вымучили какой-то текст заявления М.Горбачева, с которым, по-моему, он так и не выступил.

О готовящемся путче я не знал абсолютно ничего, хотя оппозиционное настроение к политике М.Горбачева уже никого не удивляло и было очевидным. Идея необходимости появления «твердой руки» витала в воздухе. На многих совещаниях, на которых мне приходилось присутствовать, открыто говорили о необходимости наведения порядка в экономике страны.

Сотрудники Минтруда по долгу службы должны были активно участвовать в подготовке документов для администрации М.Горбачева. В первую очередь это был проект экономической реформы, предложения к поездке в Лондон на встречу с лидерами G-7, а также проект нового Союзного договора, который должен был быть подписан 20 августа 1991 года. По последнему документу мы сообщили ряд своих принципиальных замечаний и, естественно, участвовали в подготовке и обсуждении проекта.

В понедельник, 19 августа, в первый день путча, как обычно, утром рано за мной приехал шофер и сказал, что радио передает какое-то важное заявление. Я попросил его включить радио. Вскоре начали вновь зачитывать заявление ГКЧП, из которого я узнал, что образован Государственный Комитет по Чрезвычайным Ситуациям, который из-за болезни М.Горбачева берет на себя полномочия высшей власти в стране и руководителем которого является Г.Янаев. "Вот те да!" - подумал я про себя. - "Хрен редьки не слаще." М.Горбачев поражал меня своим бескультурьем. Видимо, привычка свободно выражаться, используя нетрадиционную лексику, сохранилась у него с тех дней, когда он работал комбайнером. И никакое МГУ не смогло стереть ее из памяти. Она осталась у него привычкой на всю жизнь. А вот Г.Янаев поразил меня другим феноменом. Я должен был сопровождать бельгийского министра труда в Кремль для беседы с Г.Янаевым. Вошли мы в его огромный кабинет. Он почему-то сидел в конце длинного стола для заседаний, а не за своим рабочим столом. Г.Янаев поднялся, поздоровался с

нами и предложил сесть. Я устроился по левую руку от Вице-президента, а министр Бельгии - по правую. В ходе беседы я вскоре пришел к выводу, что руки Г.Янаева дрожат неспроста. Заметил это, видимо, и бельгиец. Откровенно скажу, мне было стыдно за свою страну, в которой такой больной человек является вторым лицом в государстве.

И вдруг такая новость! По трассе обычного нашего маршрута в Москве уже стояли танки и бронетранспортеры. "Значит, ГКЧП - дело нешуточное!" - подумал я. Наконец-то! Сразу же после приезда на работу ко мне стали подходить заместители с вопросом, что происходит? Я только пожимал плечами. Попытки что-либо выяснить по телефону в КМ успехом не увенчались. Мой управляющий делами с явным удовольствием снял со стены моего кабинета портрет М.Горбачева. Прибежал секретарь парторганизации с предложением провести партсобрание и выступить с заявлением в поддержку ГКЧП. Я ему запретил это делать, сказав, что Министерство - государственное учреждение и мы подчиняемся Правительству. Пока же мы никаких указаний от него не получали. Работа в Министерстве должна идти в прежнем режиме и по плану. Уже во второй половине дня из аппарата КМ сообщили, что В.Павлов собирает внеочередное заседание КМ в 18.00. Когда мы собрались в здании КМ в "предбаннике", я подошел к В.Щербакову и спросил его, что происходит и что все это значит. Он крепко ругнулся и сказал, что сам толком ничего не понимает. В.Щербаков не кривил душой. Он говорил правду. Вот некоторые выдержки из его отчета Верховному Совету СССР, которые подтверждают искренность его слов: "Я узнал о происходящем 19.08.91 утром, примерно в 8-15, от председателя Госстроя СССР т. Серова В.М., позвонившего мне на дачу и сказавшего, что по телевидению передают исключительно важное сообщение руководства СССР к народу. Примерно в 8-20 это обращение было вновь повторено и я имел возможность полностью прослушать

текст. Прибыв в здание Кабинета Министров СССР на Пушкинской улице, пытался связаться с Премьер-министром СССР т.Павловым В.С., однако сделать это не удалось. Мне объяснили, что он болен и не может со мной говорить. Мы с т.т. Величко В.М., Сенько Ф.И. собрались в кабинете т.Величко В.М., переговорили с другими членами КМ СССР. Никто дополнительной информацией не располагал<...>Таким образом, не только я, как член КМ, ничего не ведал 19 августа утром о ГКЧП, но в таком же положении было все руководство КМ, кроме Премьер министра." Далее В.Щербаков пишет о том, что он переговорил с Вице- президентом СССР Г.Янаевым с просьбой ответить на три вопроса (далее вновь цитирую отчет В.Щербакова): "1.Имеются ли достоверные доказательства тому, что Президент СССР М.С.Горбачев действительно по состоянию здоровья не способен исполнять свои обязанности. 2.Что все указы Вице-президента, обращение советского руководства и решения ГКЧП, обнародованные по телевидению, действительно достоверны, их текст не искажен и что они полностью согласованы с Лукьяновым А.И. 3.Что ситуация руководством страны всесторонне осмыслена и действительно не найдено иных возможностей удержать страну от хаоса и массовых беспорядков, кроме как путем введения чрезвычайного положения. На все три вопроса был дан однозначный утвердительный ответ." Г.Янаев также сказал, что мотивы принятых ГКЧП решений "не телефонный разговор", а их должен пояснить В.Щербакову В.Павлов "как только оклемается". В 12.00 того же дня В. Щербакову удалось по телефону связаться с В.Павловым, который подтвердил, что из достоверных источников известно, что М.Горбачев действительно тяжело болен. При этом В.Щербаков отмечает в отчете, что "т. Павлов действительно находился в ненормальном физическом состоянии, говорил с трудом, в необычной манере." Все попытки В.Щербакова в этот день

связаться с А.Лукияновым, В.Болдиным и А.Бессмертных не увенчались успехом. Наконец, всех собравшихся членов Правительства пригласили пройти в зал заседаний. Все расселись. Помню, что слева от меня сидел О.Сосковец, а справа, кажется, В.Геращенко. Вошел В.Павлов и открыл заседание. Им на обсуждение был поставлен вопрос об отношении КМ к происходившим событиям, к ГКЧП. Каждый из членов Правительства должен был выразить свое отношение к ГКЧП, к проекту нового Союзного договора, готового к подписанию на следующий день. Об этом историческом заседании КМ написано многое. Первая, с позволения сказать, тенденциозная "стенограмма" появилась сначала в "Известиях", а затем в "Комсомольской правде", подготовленная Н.Воронцовым. Им, например, была приписана Хаджиеву целая речь, хотя его вовсе не было на этом заседании. Затем появилась т.н. стенограмма, написанная М.Вышинским (заместителем Министра юстиции), присутствовавшем также на заседании КМ 19 августа 1991 года. Этот вариант "стенограммы" хотя и неполно, но все-таки приблизительно отражал содержание выступлений и атмосферу этого заседания. Я не буду воспроизводить здесь этот документ. Отмечу лишь некоторые наиболее существенные моменты состоявшегося заседания КМ, как я их помню и понимаю сегодня. Среди выступавших были и такие, которые безусловно поддерживали ГКЧП. Но в основном говорили о наболевших проблемах, о критическом состоянии экономики страны. Было совершенно непонятно и поведение В.Павлова на этом заседании. Он явно нервничал, что свидетельствовало об его неуверенности в своем поведении. Человек он был умный, решительный, смелый, а тут как будто его подменили. В последующем появилось много воспоминаний о поведении М.Горбачева в т.н. Фороском "заточении", а также в последующие месяцы, пока он не снял с себя полномочия Президента уже несуществовавшего СССР. Эти

воспоминания весьма противоречивы. Поведение М.Горбачева было лицемерным и лживым так же, как и во время Беловежских событий. Ему КГБ ежечасно докладывало о том, что происходит в Беловежской пуще, и он имел достаточно сил и правовых оснований для ареста трех лидеров, подписавших смертный приговор СССР. Но этого он не сделал. И не потому, что боялся, а потому, что был связан по рукам и ногам обязательствами перед США.

На этом заседании КМ В.Павлов сделал сенсационное заявление, напоминавшее сводки с полей сражения. Он сказал, что какие-то экстремисты, имеющие на вооружении даже "Стингеры", концентрируются вокруг ключевых объектов в столице. И что у него имеется достоверная информация о четырех списках лиц, подлежащих репрессиям. В первом списке - высшее руководство страны, подлежащее немедленной ликвидации со всеми членами семьи. А в списке 4-ом числимся мы, министры-члены данного Правительства, которые должны быть арестованы.

Сегодня многие обвиняют в развале СССР "путчистов". Это суцая ерунда. Достаточно ответить на один элементарный вопрос - кто мешал М.Горбачеву и Б.Ельцину сохранить СССР уже после "подавления" путча? Ответ на него может быть только один: этому мешали те силы, которые на протяжении сорока послевоенных лет вели "холодную" войну против СССР. А т.н. "путчисты" попались на удочку, стремясь добиться благородной цели - сохранить СССР. Но на деле оказалось, что "путч" послужил лишь предлогом для разрушения общесоюзных структур управления. На следующий день, 20 августа я провел заседание Коллегии Минтруда с участием представителей 9 республик.

Предлагаемый читателю очерк является попыткой анализа сложных и противоречивых процессов, приведших к образованию ГКЧП

. В очерке я привожу много цитат из воспоминаний членов ГКЧП и их сторонников, а также свидетелей трагических событий августа 1991 года. Это вызвано необходимостью максимально точно, документально отразить ход и существо исторических событий тех дней.

2. Политика М.Горбачева и Ко

Под **Ко** имеется в виду А.Яковлев, Э.Шеварнадзе и их поделщики.

Все начиналось в 1985 году, когда М.Горбачев взял курс на *перестройку*, которая из системы мер по совершенствованию общественных отношений, развитию производительных сил и созиданию превратилась политику разрушения коммунистической партии, государства, экономики Советского Союза, снижения уровня жизни народа.

11 марта 1985 года Пленум ЦК КПСС по предложению А. Громыко избрал М.Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС. И никто не думал тогда, что через несколько лет генсек нарушит свою клятву обеспечить ускорение социально-экономического развития страны, преобразование всех сторон жизни общества — материально-технической базы, общественных отношений на основе планового хозяйства, повышения роли Советов.

Как выразился помощник генсека В.Болдин в своей книге «Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева» (<http://www.rummuseum.ru/portal/node/1490>), «Так завершился этот траурный этап развитого социализма. Страна вступила в новую, неизведанную полосу своего развития. Все говорили о лучшей доле, но добрыми помыслами, как известно, была вымощена дорога и в ад». Далее он пишет: «Избрание нового генсека активизировало творческую мысль прогрессивно

настроенной части общества. Общее желание перемен было столь велико, что ученые, специалисты, работники органов управления охотно несли М. С. Горбачеву, его окружению свои предложения по преобразованию в стране. Они месяцами просиживали на закрытых партийных и государственных дачах, дорабатывая новые концепции экономической реформы, демократизации общества, совершенствования политической системы, международных отношений.

Огромную работу вела команда Н. И. Рыжкова, готовя предложения по перестройке экономических отношений. В общем конструктивных идей было более чем достаточно, и с некоторыми из них новый генсек выходил на трибуну. Но целостной концепции так и не сложилось. Этому активно противился М. С. Горбачев, полагая, что в делах перестройки логика может только помешать делу. Сегодня очевидна другая, подлинная причина такого нежелания. Просьбы многих, в том числе с трибуны съезда и партконференции, сказать, куда мы идем, удовлетворены не были.

Широкая поддержка М. С. Горбачева продолжалась до 1988 года, до тех пор, пока в действиях нового лидера не появились шараханье, неуверенность и маневрирование. Затем ручеек идей начал пересыхать, многие ученые как-то стали сторониться генсека. И он был вынужден все время взбадривать свои команды, часто меняя помощников, состав лиц, привлеченных для подготовки его докладов, речей, выступлений, интервью».

Большую роль в формировании политики перестройки, подборе кадров для команды М. С. Горбачева играл А.Яковлев, который, как оказалось впоследствии, был ярким врагом коммунистических идей и был связан по данным КГБ с зарубежными спецслужбами. Во время Августовского путча он поддержал российское правительство и Б.Ельцина в борьбе против ГКЧП. Он был предателем Советской Родины,

энергично содействовал развалу советского строя и КПСС. В 2001 году он признавался: «На первых порах перестройки нам пришлось частично лгать, лицемерить, лукавить — другого пути не было. Мы должны были — и в этом специфика перестройки тоталитарного строя — сломать тоталитарную коммунистическую партию» (см. Александр Яковлев: двойной агент или честный пособник западных разведок - <https://versia.ru/aleksandr-yakovlev-dvojnoj-agent-ili-chestnyj-posobnik-zapadnyx-razvedok>). Кстати, в своих воспоминаниях Д.Язов пишет о том, что из Канады, где А.Яковлев был послом, его в Москву вытащил Ю.Андропов, который продвигал в ЦК КПСС и М.Горбачева. Такое совпадение более чем странно. Кстати, в книге «Крючков. КГБ накануне путча» (<https://www.rahvaraamat.ee/p/%D0%BA%D1%80%D1%8E%D1%87%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D0%BA%D0%B3%D0%B1-%D0%BD%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D1%83%D0%BD%D0%B5-%D0%BF%D1%83%D1%82%D1%87%D0%B0/93591/ru?isbn=9785443802992#>) сказано, что Ю.Андропов являлся «...первым и главным инициатором, подлинным идеологом «либеральной» перестройки в СССР».

Что же касается М.Горбачева, то как писал В.Болдин, «Чтобы ускорить развитие экономики страны, выдвигались все новые концепции, но с каждой переменной чувствовалось, что дело клонится к элементарному переходу на методы капиталистического развития. Причем его наиболее незрелых первоначальных форм. И хотя продолжался разговор о построении социализма с человеческим лицом, о коммунистической перспективе, это были слова, напоминающие фиговый листок, прикрывавший идейную наготу...».

Приведу несколько фактов, характеризующих стиль деятельности М.Горбачева.

Создав комиссию по Чернобылю во главе с Н. И. Рыжковым, М. С. Горбачев свалил всю чернобыльскую заботу со своих плеч. Трагедия миллионов людей, огромные материальные потери — все это не отозвалось должной болью в сердце генсека, он не побывал в трудные дни на месте аварии. Не пожелал он приехать в Тбилиси, Карабах, Сумгаит, на место межэтнических волнений в Узбекистане и Киргизии, в Казахстане, где гибли тысячи безвинных людей и где люди ждали слова и помощи лидера партии и государства.

После инцидента в связи с пролетом от границ Прибалтики до Москвы и посадкой в центре столицы, рядом с Красной площадью, самолета Руста Горбачев тайно и явно создавал для военных обстановку недоброжелательности. Против высшего руководства армии был открыт активный фронт борьбы.

Что касается Н.Рыжкова, то В.Болдин приводит его высказывание на заседании Политбюро, которое ярко характеризует сложившуюся в СМИ обстановку: *«Объясните мне, пожалуйста, почему правительство критикуется, причем безграмотно и расхлыстанно, как на базаре, а подготовленные ответные статьи, объясняющие истину, в печати так и не появляются? Какая же это гласность?»*. Но Николай Иванович напрасно выступал с такими речами, ибо после них, как он однажды признался, критиков становилось все больше. В.Болдин считает: «Возможно, самостоятельность в действиях Николая Ивановича углубила трещину в отношениях между генсеком и премьером, хотя были и другие причины. Уже тогда Рыжков требовал более решительных действий по наведению порядка в стране, повышению дисциплины. Со временем это стало болезненно восприниматься, и Горбачев с неприязнью видел в Рыжкове и некоторых других членах Политбюро своих личных соперников и противников и не упускал возможности их

покрыть. Рыжков, как я говорил, скоро тяжело заболел и был отправлен на пенсию. Так закончились отношения еще с одним из соратников, который помогал подниматься Горбачеву наверх».

М.Горбачев фактически изолировал от проведения внешней политики бывшего министра иностранных дел А.Громыко, ставшего Председателем Президиума Верховного Совета СССР и выдвинувшего в свое время его на пост Генсека. В.Болдин пишет: «Первое время все предложения и выступления М. С. Горбачева на заседаниях Политбюро активно поддерживал А. А. Громыко. Он, как комиссар в момент атаки, первый поднимался из окопа и защищал даже то, в чем не очень разбирался или не знал достаточно глубоко. Но прошло время, и Андрей Андреевич стал все больше помалкивать. Ему вообще было трудно работать в этом возрасте, особенно при таком генсеке. Председатель Президиума Верховного Совета должен был заниматься и международными делами, которые знал блестяще. В этом ему отказали с первых дней, и он фактически был изолирован от принятия решений по внешней политике. Во всяком случае, Громыко не знал о многих деталях встреч и бесед Горбачева с руководителями других стран. Записи бесед этих встреч направлялись генсеком членам Политбюро все реже и реже. Многие переговоры, соглашения остались тайной для руководства страны, включая руководителя кабинета министров и многих других. Это относится к Министерству обороны, КГБ, внешнеэкономическим службам. Не знали в полном объеме о внешнеполитической деятельности генсека-президента члены Политбюро, Совета Безопасности, руководители союзных республик. Где оседали эти записи, я сказать не могу. А. А. Громыко быстро сдавал. Он старел на глазах. Я смотрел на него и видел уставший взгляд, болезненное состояние. Казалось, он смотрит на все происходящее с болью и тоской, его мучает причастность к трагедии,

разворачивающейся в стране. На заседаниях Политбюро он, как я говорил, выступал все реже и все больше говорил о трудностях в жизни людей, часто обращался к воспоминаниям. М. С. Горбачев посматривал на членов Политбюро, подмигивал им, желая сказать: вот с кем приходится работать. Я говорил, что Михаил Сергеевич поначалу убеждал всех, что не повторит ошибок Брежнева и некоторых других, занимавших два поста, тем не менее форсировал уход А. А. Громыко и скоро встал во главе Верховного Совета СССР».

Заседания Секретариата стали проводиться все реже и реже. Шла изоляция Лигачева как политического лидера, и в этом интересы генсека и тех, кто обвинял его во взяточничестве, объективно не расходились. Но паралич деятельности Секретариата ЦК стал и средством разрушения структур КПСС, всех ее организаций.

В деятельности Политбюро и Секретариата ЦК при Горбачеве не было творческой, слаженной работы. С самого начала среди членов Политбюро и секретарей ЦК витал дух недоверия и соперничества, часто переходящий в открытые конфликты с выяснением отношений, желанием покинуть свои посты.

В.Болдин писал: «Я уже говорил, что со временем роль Политбюро начала снижаться, заседания проводились все реже и реже, решения принимались поспешно, часто единолично. Иногда заседаний не было месяцами, что впоследствии подвергалось серьезной критике на Пленумах ЦК. Протоколы Политбюро «худели». Партия, члены ЦК видели, как из некогда мощного организма вытекают остатки крови, и это были похороны того органа, равного которому по своему значению в стране не было. Все больше обозначался паралич власти. М. С. Горбачев не хотел слышать замечаний Н. И. Рыжкова, Е. К. Лигачева, Н. А. Слюнькова, а позже О. С. Шенина, некоторых других руководителей о бездеятельности

Политбюро, хотя выражалось это, разумеется, в более деликатных словах... А Политбюро к началу лета 1991 года третий месяц уже не собиралось. На одном из заседаний Юрий Прокофьев, первый секретарь МГК, по этому поводу заявил, как я помню: «Если Политбюро в ближайшее время не будет созвано, я потребую на Пленуме ЦК ликвидировать этот орган. Мы — члены Политбюро и не должны нести ответственность за единолично принимаемые Горбачевым решения».

В этой связи еще один факт. 17 июля М. Горбачев побывал на совещании «семерки» в Лондоне. В.Болдин спросил секретаря ЦК О. Шенина: «Олег Семенович, я встречаюсь с коммунистами, беспартийными. Корреспонденты спрашивают: что же там происходило? А я, член Секретариата ЦК, ничего не знаю». На что Олег Семенович мне ответил: «...я член Политбюро и тоже ничего не знаю». Агония в работе Политбюро и членов ЦК началась после XXVIII съезда КПСС. Умирал мозг некогда могущественной партии, отравляя весь ее организм.

Слова Михаила Сергеевича Горбачева, сказанные им четыре года назад: «То ли я еще сделаю», сбылись».

М.Горбачев беззастенчиво неоднократно лгал своему народу и мировой общественности. Так, например, произошло с пактом Молотова-Рибентроппа, который хранился в архиве ЦК КПСС. Он не захотел сказать правду и взять на себя ответственность за то, что ввел в заблуждение общественное мнение. В общем эта ложь не помогла ему ни сохранить Советский Союз, ни удержаться на посту лидера государства. Последующими своими решениями Горбачев в нарушение Конституции способствовал тому, чтобы республики Прибалтики вышли из Союза.

Еще один вопиющий факт из области внешней политики.

М.Горбачев и Э.Шеварнадзе сдали США территории СССР в Беринговом море. Сенатор от Камчатского края Борис Невзоров на заседании Совета Федерации, которое состоялось 9 октября 2019 года, внес предложение о необходимости пересмотра несправедливого Соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств от 1 июня 1990 года.

Данное соглашение рыбаки России называли «линией предательства Шеварднадзе-Беккера», подписавших его от имени своих государств.

Ряд фактов наводят невольно на мысль, что *М.Горбачев был агентом влияния на службе США.*

Пример. М. С. Горбачев привлек к переговорам с Д. Бушем очень узкий круг доверенных лиц, а чаще всего беседовал с ним вообще с глазу на глаз, старался при первой возможности уединиться. Так, однажды за обедом, когда еще официанты разносили кофе, Михаил Сергеевич, вставая из-за стола, сказал:

— Джордж, я прошу Вас пройти со мной.

Они вышли из-за стола и черным ходом одни с переводчиком спустились из кремлевских палат на Ивановскую площадь Кремля, а затем прошли на Красную площадь. У них уже давно установились доверительные отношения и шел откровенный разговор. Начало ему было положено еще во время визита Горбачева в Вашингтон. Там во время поездок его сопровождал Дж. Буш. Михаил Сергеевич отлично понимал, что время Р. Рейгана истекает и нужно налаживать отношения с его преемником. Д. Буш, вице-президент США, имел тогда неплохие шансы стать президентом, о чем не стесняясь говорил в своем окружении. Знал об этом и генсек.

И вот как-то, когда Дж. Буш сопровождал Горбачева в Вашингтоне в машине, направлявшейся от советского

посольства до Белого дома, между ними состоялся откровенный и доверительный разговор, смысл которого, как рассказывал Михаил Сергеевич, заключался в том, чтобы очертить перспективы перестройки. Он не сказал, в чем заключаются эти перспективы, но несколько раз В.Болдин был свидетелем, как он просил своих личных посланников, направляющихся в Вашингтон, передать Дж. Бушу, что «договоренности в машине остаются в силе и он будет следовать их выполнению до конца». Видимо, в ту поездку М. С. Горбачев принял на себя какие-то обязательства, о выполнении которых регулярно информировал.

Падение жизненного уровня народа в стране сопровождалось снижением рождаемости, ростом смертности, тяжелыми заболеваниями многих граждан, массовой безработицей.

Разваливающуюся экономику сотрясали забастовки. Они, как правило, организовывались т.н. «независимыми» профсоюзами.

В конце перестройки произошло разрушение единой системы профсоюзов. Был ослаблен идеологический контроль КПСС, что позволило провести 23 марта 1990 года Учредительный съезд республиканских профсоюзов РСФСР, который провозгласил отказ от идей марксизма-ленинизма и создание Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР), которая объединила большинство российских отраслевых профсоюзов и территориальных профобъединений.

21-29 октября 1990 года был упразднен решением XIX съезда профсоюзов ВЦСПС. Вместо него была создана Всеобщая конфедерация профсоюзов СССР (ВКП). Что касается ВКП, то в стране функционировал так называемый треугольник: профсоюзы, Правительство и Минтруд. Систематически проходили рабочие совещания этой тройки. В мае месяце 1991 г. состоялось большое совещание в доме

профсоюзов, в котором принял участие Премьер-министр В.Павлов. В итоге было подписано соглашение между КМ СССР и Советом Всеобщей Конфедерации профсоюзов по трудовым и социально-экономическим вопросам на 1991 год. До этого КМ СССР принял ряд документов, предусматривающих формирование системы трехстороннего социального партнерства между органами государственного управления, профсоюзами и собственниками средств производства.

В стране вспыхивали кровавые национальные конфликты, появились беженцы, ширилась преступность в стране— вот не полный перечень заслуг Горбачева перед своими хозяевами, которые заказали ему развалить могущественную страну. Заказчики выбрали на эту роль М. Горбачева — и не разочаровались...

Д.Язов на сессии ВС СССР сообщил: «Сложная ситуация сложилась с призывом граждан на действительную военную службу. В настоящее время образовался некомплект личного состава— более 350 тысяч человек. Союзные республики приняли законы, в соответствии с которыми практически призвать на службу невозможно. В ряде республик план призыва выполнен всего-навсего на 6 процентов, например, в Прибалтике, Армении, Грузии.

Если и дальше подобными темпами будем вести призыв, то к концу этого года укомплектованность Вооруженных Сил составит всего 70 %. В пограничных войсках некомплект уже достиг 20 %». К августу 1991 года нечем было платить армии.

На той же сессии В. А. Крючков познакомил с документом, подписанным Ю. В. Андроповым, в котором говорилось: «...Американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, продвигать их в сферу управления политикой, экономикой и наукой. ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния,

предусматривающие приобретение навыков шпионской деятельности. Кроме того, одним из важнейших аспектов подготовки такой агентуры является преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства».

Несколько слов об А. Лукьянове, который сыграл особую роль в путче, не будучи членом ГКЧП. В. Варенников (см. «Тюремные комментарии к «Августовскому путчу» Горбачева. Следствие по делу ГКЧП» (<https://www.e-reading.life/book.php?book=1026822>)) писал: «...на всех постах, которые А. И. Лукьянов занимал во второй половине 80-х и в начале 90-х, он всячески способствовал Горбачеву. Но то же делало и подавляющее большинство партийного и государственного аппарата, не подозревая того, что Горбачев предатель. Поэтому и к Анатолию Ивановичу в этом отношении надо подходить, как и к остальным. Правда, уже в 1987-м и особенно в 1988-м и 1989 годах в политике Горбачева все больше и больше проявлялся прозападный флюс, чего нельзя было не заметить. Но все это многие относили к его, Горбачева, слабости и неспособности отстаивать наши интересы. После выборов народных депутатов СССР в 1989 году Анатолий Иванович всячески помогал Горбачеву проводить «центристскую» политику, что означало не становиться на сторону депутатской группы «Союз», куда входили истинные коммунисты. По существу же Горбачев и Лукьянов сдерживали наш «Союз» и ставили на его пути преграды, а Г. Попову и его компании по Межрегиональной депутатской группе, где гнездились псевдодемократы, давали зеленый свет. Однако все это я отношу к добросовестным заблуждениям А. И. Лукьянова. А вот назначение им сбора и открытия внеочередной сессии Верховного Совета СССР не на 20 или 21 августа, как просил весь ГКЧП, а на 26 августа – для меня до сих пор остается загадкой. Тем более что Российский Верховный Совет был собран 21 августа, хотя решение об этом было принято всего лишь вечером 19 августа. Анатолий Иванович говорил, что

было трудно собрать депутатов в короткие сроки. Почему же с этой задачей справился Верховный Совет РСФСР?».

Обобщая сделанное М.Горбачевым за годы *перестройки*, следует отметить:

в числе позитивных

- * анализ состояния нашего общества, причин тяжелого положения в области экономики, финансов, социального положения людей;

- * постановку вопросов демократизации общества, реформы политической системы, гласности, снижения международной напряженности, гонки вооружений.

В числе негативных

- * кадровая чехарда, которая имела трагические последствия для нашего народа и государства;

- * демократизацию противники социализма использовали для конфронтации, раскола страны, противоборства и сведения личных счетов;

- * КПСС, начавшая перестройку, единственная организованная сила, способная наименее болезненно довести начатое до намеченных целей, была, по существу, выведена из всех созидательных процессов;

- * людей в военной форме нередко физически и морально оскорбляли, над ними издевались, были даже случаи избиения военнослужащих, в том числе офицеров. В обстановке унижения и оскорбления защитников страны Главнокомандующий Вооруженными Силами Советского Союза, президент СССР не выполнил своего прямого долга — не защитил армию. Более того, он страшился армии, не верил ей и приложил немало стараний, чтобы ослабить ее и лишиться авторитета. То же произошло и с органами КГБ, с работниками которого он не пожелал даже встретиться;

*очень скоро М. С. Горбачев также утратил свое влияние на интеллигенцию — на писателей, журналистов, ученых. Поняв ограниченность идей, а главное — беспомощность действий генсека, его навязчивое желание постоянно выступать на собраниях и совещаниях, по телевидению, публиковать различные статьи и книги в стране и за рубежом, творческая интеллигенция покидала ряды его сторонников, превращалась в индифферентную силу или пополняла ряды его ярких противников (об изменении отношения интеллигенции ярко свидетельствует выступление Владимира Бушина на VII съезде писателей России 14 декабря 1990 года – см. приложение № 2);

* действия М. С. Горбачева привели к краху единого государства, сокращению производства продукции, росту преступности, ухудшению качества жизни народа;

* резкое ухудшение состояния экономики, неспособность центра во главе с президентом СССР управлять происходящими в стране процессами дали дополнительный толчок сепаратистским настроениям, выделению республик в самостоятельные государства, разворачиванию межнациональных конфликтов. Пламя этнической неприязни, а то и резни запылало на Кавказе, в Средней Азии, Молдавии. Стали напряженными отношения во многих других республиках и крупных регионах России. Некогда монолитное государство, выдержавшее все трудности второй мировой войны, оккупацию значительной части СССР, послевоенную разруху, теперь распадалось на мелкие части.

3. Ново-огаревский тупик

К середине 1991 года угроза развала Советского Союза стала реальной. Запылали Карабах, Сумгаит, Фергана, Ош, Узген, Осетия, Чечня, Приднестровье. Спор, чей закон и чья конституция приоритетнее, кончился тем, что союзные и автономные республики стали избирательно выполнять решения центра, перестали в полном объеме отчислять

налог в Госбанк СССР, ущемляли расположенные на их территории воинские части, ограничивали поставки дефицитной продукции. И как следствие из создавшейся ситуации М.Горбачев предпринял попытку создать новый Союз на развалинах СССР.

В проекте представленного республикам документа предлагалось назвать Договор «О Союзе суверенных социалистических республик». Это сохраняло аббревиатуру СССР. Намечалось и впредь сохранять федеративное устройство, иметь необходимые центральные органы управления важнейшими отраслями экономики.

Естественно, возникает вопрос, а что же все-таки побудило республики приехать в Ново-Огарево и принять участие в обсуждении предложенного М.Горбачевым проекта, несмотря на то, что процесс суверенизации шел полным ходом?

Дело в том, что лидеры республик понимали две элементарные истины. Во-первых, то, что СССР являлся **единым народно-хозяйственным комплексом**. А это означало, что все предприятия были взаимосвязаны между собой кооперационными отношениями. И их разрыв грозил не только снижением производства в республиках, но и возникновением огромной безработицы. Во-вторых, **в СССР не существовало никаких препятствий для этнической миграции и заключения смешанных браков**. Суверенитет же республик и установление межгосударственных границ шли вразрез объективным интеграционным процессам. Во всем мире шла интеграция, набирая обороты, а на территории Советского Союза история поворачивала вспять.

Большинство трезвомыслящих людей всегда понимало, что самоизоляция в национальных квартирах может только усугубить социально-экономическое положение народов. Не раз звучали предостережения о том, что в одиночку не выжить. В одиночку можно только доломать то, что еще

осталось. Но в период, когда заговорили политические амбиции руководителей, когда разжигались националистические настроения, людей трудно было в чем-либо убедить разумными доводами. И чем больше захватывался плацдарм самостоятельными силами, тем больше усиливались их аппетиты, и процесс стал неуправляемым. Вслед за собственной армией и оборонной промышленностью возникла потребность «в своих» деньгах, границе, таможне, атрибутике и т. п.

Потребность в новом Союзном Договоре была не только попыткой предотвратить дальнейшее разрушение экономики, но и избавиться от реликтовой потребности в сложное время самоизолироваться, избавиться от ощущения, что тебя «объедают» соседи. Эта причина, кстати, являлась одной из важнейших, вызывающих рост националистических настроений, возникновение кровавых этнических конфликтов, что подхлестывало центробежные силы в стране.

Слабость центра, его неспособность руководить державой практически требовали раздачи полномочий более сильным местным лидерам. И в этом М.Горбачев видел хоть какое-то спасение от своей гибели. Единственное, на что был еще способен президент СССР, это оставить за собой хотя бы некоторые полномочия, поддерживавшие сам институт президентской власти, и те символы, которые позволили бы сохранить ему лицо. Но чтобы выторговать это для центра, предстояло еще бороться всеми силами, всеми допустимыми средствами. Для проведения этого поединка и было избрано Ново-Огарево.

Перед тем, как описать происходившее в Ново-Огарево, несколько слов о том, что происходило в Таллинне во время визита в Эстонию М.Горбачева, свидетелем которого я был, работая в то время в ЦК КП Эстонии.

Решив однажды посетить Прибалтику, генсек прибыл в Таллинн и там, может быть, непроизвольно поддался на

провокационные утверждения некоторой части озлобленной националистической интеллигенции, которая распространяла измышления о том, что русские их объедают (эту идею подбросили им из Вашингтона). Генсек начал доказывать, что все совсем наоборот, что Россия кормит Эстонию. Видимо, провокаторам только этого и надо было. Теперь обиделись все слои общества Прибалтийской республики, и началось выяснение того, кто кого кормит. Полился поток грязи на русских. Горбачев мобилизовал тогда экономистов в поддержку своего утверждения. Он приводил цифры, факты, расчеты межотраслевого и межреспубликанского балансов, в составлении которых я также участвовал, и, чем больше он демонстрировал доказательств, тем упорнее становились его оппоненты. В общем, генсек озлобился сам и еще больше разжег антирусские настроения среди эстонцев.

Почему же выбор пал именно на Ново-Огарево? Ведь добираться туда было неудобно. Глав республик привозили на автобусах, как экскурсантов, и так же отправляли в Москву. Но были и свои преимущества. Прежде всего, подготовка такого рода документа носила затяжной характер и часто заседания кончались за полночь и желающие могли там переночевать. Дом приемов хотя и был не совсем удобен для заседаний, но располагал всем необходимым для их обеспечения, включая хорошую кухню, и многие наиболее сложные вопросы находили продвижение за обеденным столом.

Еще в начале 1991 года была сформирована группа специалистов для подготовки проекта нового Союзного Договора. Возглавляли ее вице-президент АН СССР, академик В. Н. Кудрявцев и два представителя президента — бывший первый секретарь Киевского обкома партии Г. И. Ревенко и Г. Х. Шахназаров. Работа эта была длительная и кропотливая. К участию в ней приглашались экономисты, юристы, политологи из разных республик. Но представленный первоначальный вариант нуждался в

политической проработке на высоком уровне. Возникла потребность обсудить проект с руководителями союзных и автономных республик. М. С. Горбачев решил собрать всех в загородной резиденции.

Обсуждение проекта Договора происходило четыре раза: 24 мая, 3 и 17 июня, 23 июля 1991 года. Дискуссии, порой острые, проходили в двух плоскостях: между союзными республиками и М. Горбачевым, между Б. Ельциным и автономными республиками РСФСР.

В этом обсуждении была важна позиция России, поэтому все внимательно слушали замечания Б. Н. Ельцина. Он говорил о том, что нужно обстоятельное обсуждение проекта, но российское руководство стоит за Союз суверенных государств. Центр должен быть таким, каким захотят его видеть республики и что сочтут возможным передать для управления президенту СССР. Максимум полномочий следует делегировать на места. Подписывать Договор можно, определившись в вопросах собственности, налогов. Налог должен быть одноканальный, и необходимую сумму будет перечислять центру каждое суверенное государство. Для России важно, чтобы сначала был подписан подобный Договор республиками, составляющими федерацию.

Жесткую и близкую к российской позицию заняла Украина.

Собравшиеся хорошо понимали, что подписать Союзный Договор не так-то просто. Руководители многих бывших автономий также выступили за подписание документа в качестве суверенного государства. Их мнение выразил Председатель Верховного Совета Татарии М. Ш. Шаймиев. Он настаивал на том, что идти на принятие документа следует при условии самостоятельного подписания Договора республикой.

— Мне нравится, как защищается суверенитет России, — говорил он. — Но такие же процессы идут и в Татарстане, и

мы не отступим от своего суверенитета. Если мы принцип не отстоим, то народ нас не поймет и возмутится. Есть и экономические вопросы. Почему химический и оборонный комплекс должен перейти под юрисдикцию России?

Проект Договора с учетом внесенных поправок закреплял устройство страны, напоминающее уже не федерацию и даже не конфедерацию, а нечто аморфное и усеченное.

К середине августа из 15 бывших союзных республик подписать Договор были готовы лишь 8 (а уже в Форосе М.Горбачев заявил, что Договор готовы подписать 6 союзных республик). Остальные либо не хотели этого вообще, либо откладывали этот акт до лучших времен. Ряд бывших автономий России также не были готовы подписать Договор.

Это представляло, как считали специалисты, достаточно серьезную опасность всему прежнему Союзу, ибо подписание Договора небольшим числом республик ликвидировало бы его как правовой субъект, ибо на политической арене появлялось совершенно новое образование. Те, кто не подписал Договор, уже могли считать себя за пределами Союза, прежнего образования больше не было.

Содержание Договора, все больше расходящегося с волей народа, выраженной на референдуме, превосходило самые мрачные предсказания. Проект ново-огаревского Договора был по существу своему антиконституционным, ибо противоречил итогам референдума.

Такое развитие событий беспокоило те силы, которые были против развала Советского Союза, они видели за этим крах экономики, финансов, армии, всех других экономических, политических структур, распад общей культуры, обострение этнических отношений. **И недопущение развития по такому сценарию было единственной задачей тех, кто в августе 1991 года**

попытался остановить распад Отечества, предостеречь общество от возможных последствий этого акта, не допустить неоправданных жертв, которые могли последовать за распадом СССР. К сожалению, мрачные предсказания оправдались. Кровавые конфликты разгорались в различных районах бывшего Союза, началось вытеснение русских, белорусов, украинцев из других республик, распадались экономические связи, рассыпалась армия.

У меня сохранилась газетная вырезка с проектом Союзного договора, рукой Варенникова там написано: **«Не могу одобрить. Это не договор, а приговор Советскому Союзу»**.

Проект Договора был опубликован в газетах в пятницу 17 августа, когда люди собирались на дачи и отдых, а во вторник 20 августа должны были его уже подписывать.

4. Форос

18 августа к президенту в Форос вылетели Шенин, Бакланов, Варенников, Болдин и Плеханов чтобы вразумить президента — отменить подписание Договора, дабы выполнить волю народа о сохранении единого Советского Союза.

Пока в Москве ездили танки и строились баррикады, первый и последний советский президент наслаждался своим «домашним арестом» на госдаче «Заря» в Форосе. О том, что на самом деле происходило в эти три дня на территории объекта «Росбалту» рассказал генерал-майор КГБ Лев Толстой, охранявший (или стороживший?) Михаила Горбачева в Крыму (http://jalita.com/guidebook/gorbachev_foros.shtml).

Накануне августовского путча ничто не предвещало такого развития ситуации. Михаил Горбачев как обычно приехал на свою дачу «Заря» в Форосе в конце июля с женой,

дочерью и зятем. Мы его встретили, разместили, он отдыхал, работал, лечился, гулял в горах, катался на катере в море. К 20-му августа он должен был вылететь на подписание нового Союзного договора. Всегда перед отлетом Президента (а прежде — генеральных секретарей) на аэродром Бельбек под Севастополем за главой государства прибывал самолет.

— Когда начались неожиданности?

— Утром 18-го августа мне позвонил генерал Вячеслав Генералов — начальник специального эксплуатационно-технического объединения — и сказал, что прилетает самолетом в Крым. Надо сказать, что к тому моменту формально Девятое управление КГБ разделилось — чтобы скрыть тот факт, во сколько именно стране обходится содержание Президента СССР. Общую структуру разделили на, собственно Девятое управление — управление охраны, и отдельно выделили эксплуатационно-техническое управление. Но фактически все это продолжало быть общим организмом. Юрий Плеханов возглавлял «девятку», а его бывший зам Генералов — руководил техническим управлением.

Так вот мне позвонил Генералов — и сказал, чтобы к его прилету я подготовил пять «Волг» и автобус. Для меня такое количество транспорта было неожиданностью. Но тогда как раз в Крыму проходили большие совместные сухопутно-морские учения, и я решил, что, наверное, вместе с Генераловым летят чины из Министерства обороны СССР. В итоге я собрал машины и к 15-ти часам прибыл на аэродром Бельбек под Севастополем.

— Кто в итоге вышел из самолета?

— После того, как самолет сел, вместо Генералова вышел непосредственно начальник Девятого управления — генерал-лейтенант Юрий Плеханов и члены политбюро — Шенин, Бакланов, Болдин и генерал Варенников. Вот это уже было

полной неожиданностью. Начать с того, что везти лиц такого ранга по неподготовленному маршруту было очень серьезным делом. Кроме того, с ними прилетело еще 15 московских сотрудников КГБ. После посадки мне объяснили задачу — в 16:00 все прибывшие должны быть на президентской даче «Заря» в Форосе. У меня оставалось 35 минут — крайне сжатый срок. И еще — меня предупредили, что в 16:00 вся связь на «Заре» будет отключена.

Мы приехали на «Зарю» с пятиминутным опозданием — в 16:05. Сразу же дежурный доложил мне, что на объекте нет никакой внешней связи — только внутренняя. Были отключены ретрансляторы приемников, телевизоров, междугородняя связь. Затем я высадил прибывших возле служебного корпуса, Варенников, Болдин, Бакланов и Шенин пошли к президенту...

Я прерву цитирование генерал-майора КГБ Льва Толстого с тем, чтобы осветить ход беседы Горбачева с прибывшими руководителями. Валентин Иванович Варенников так воссоздает картину встречи с Горбачевым в Форосе: «Беседа с нашей стороны проходила корректно. Михаил Сергеевич же допускал непарламентские выражения. Для меня это было странным. Но затем я все это отнес на счет того, что беседующие люди были близки друг к другу, хорошо усвоили традиции и поэтому общались так, как это было заведено.

Мною первоначально было принято решение — отсидеться и отмолчаться, тем более что никто никаких конкретных задач по этой встрече не ставил. Но беседа сложилась так, что я вынужден был подать реплику, а затем и предоставить президенту широкую информацию о высказываниях офицерского состава. Офицеры, в частности, спрашивали, почему проект Союзного Договора не отражает результаты референдума, а также требования Съезда народных депутатов СССР о сохранении Союза? Почему

сепаратистским, экстремистским силам позволено действовать так, как они считают нужным? Почему военнослужащие во всем ущемлены? Почему у нас не выполняется Конституция СССР, хотя президент на ней присягал перед всем советским народом?

Горбачеву ничего не оставалось, как сказать: «Я все это уже слышал...».

Рукопожатия при расставании давали основание В. И. Веренникову полагать, что Президент СССР если и не одобряет, то и не возражает против попыток спасти страну от развала путем введения чрезвычайного положения.

— Когда вы поняли, что Горбачев на домашнем аресте?

— Как только мне сообщили, что нет связи.

— Какая стояла задача перед теми пятнадцатью сотрудниками КГБ из Москвы, что прилетели в Крым?

— Как я понял, изначально планировалось полностью заменить охрану госдачи «Заря». Но необходимое число сотрудников не успели собрать и в итоге привезенные коллеги из Москвы усилили основные посты — дежурную часть, гараж и КПП въездных ворот. Мы работали совместно с ними. Руководство охраной взял на себя Генералов — пользоваться телефоном ВЧ-связи с того момента было разрешено лишь ему и замглаве Управления правительственной связи Грушко.

— Горбачев в некоторых интервью рассказывал о том, как нашел где-то на чердаке госдачи приемник и по нему получал известия «с большой земли»...

— Ну все эти «откровения» — это, что называется... Если на любой госдаче проводится не менее 5-ти оперативно-технических осмотров — то о каких неожиданных приемниках может идти речь? Тем более, что чердак на «Заре» — это

просто световое окно. И уж точно никто из нас там никаких приемников не оставлял.

На самом деле у Горбачева возможность получения информации была. Дело в том, что хоть наши ретрансляторы и были отключены — но окружающие ретрансляторы то ведь работали нормально! В дежурке спокойно телевизор работал на проволочной антенне. Так что и «Лебединое озеро», и танки в Москве, и баррикады Горбачев видел. Тем более, что у самого Михаила Сергеевича стояла японская и западногерманская радио- и телеаппаратура. Его зять Анатолий прекрасно владел английским языком, а у нас Турция и Болгария рядом. Оттуда информация о происходящем шла постоянно.

— Какое распоряжение вы получили от начальства?

— Приказ был — никого не выпускать. Я попытался уточнить — но мне дали понять, что речь идет, в том числе, и о Горбачеве. Других указаний никаких не было. Мы продолжали функционировать в прежнем режиме — техническом и охранном — усилив лишь посты. В остальном от выполнения своих обязанностей мы не отходили.

— Подчиненные вопросы задавали?

— Конечно, у них возникали вопросы. Один из них касался того, как именно обслуживать Михаила Сергеевича — как президента или как кого-то еще. Пришлось объяснить, что никто Горбачева полномочий не лишал. Но больше всего волновало непонимание происходящего и ожидание развязки. Тем более, что обычно дворцовые перевороты в нашей традиции происходили куда быстрее. Та же антипартийная группа при Хрущеве в 1957-м году была сметена буквально в считанные часы. Так же произошло и с самим Никитой Сергеевичем: когда его сняли с самолета и привезли на пленум — все решилось в считанные часы. А тут три дня — и ничего...

— Было страшно?

— Нет. Вы знаете, человек, который пришел в дворцовые войска — он должен быть готов ко всему. Было непонятно — вот это и давило.

Иногда спрашиваю себя — зависело ли от нас что-то? Можно ли было вывезти Горбачева из «Зари»? Теоретически да, а практически — куда? На чем? Кто и где его ждет? Поэтому лично моей задачей было — не допустить ни единого выстрела. Мне рассказывали, что в Крыму будущий первый и последний президент Крыма Юрий Мешков пытался призывать людей приехать в Форос и «отбить» Горбачева. В итоге он в сопровождении нескольких человек приехал к нам на КПП, постоял и уехал. Эдакий популистский демарш.

— Просьбы у Горбачева были?

— У него всего было где-то пять просьб, их которых мне запомнились две — дать связь и пригласить доктора. В вопросе со связью мы вынуждены были отказать, а за доктором я съездил. Это был «светило» мануальной терапии доктор Лиев — он лечил радикулит Горбачева много лет. Я с водителем поехал за ним в санаторий «Зори России». Мы минут 40 его искали на территории санатория, а когда нашли — я подошел к нему, и говорю, что Михаил Горбачев его ждет. Я также предупредил, что ему лучше собрать вещи, потому что с территории дачи я не смогу его выпустить. Реакция была не сразу. Лиев постоял, помолчал и затем говорит — «Вы знаете, Михаилу Сергеевичу уже лучше. Я не поеду». Тогда я развернулся и уехал.

А уже после путча Лиев напишет статью, о том, как двадцать человек приехали, гонялись за ним по пляжу и со зверскими рожами пытались усадить в машину. Хотя нас с водителем было всего двое.

— Что происходило после того, как стало ясно, что путч провалился?

— 21 августа я встречал самолет с членами ГКЧП. Прилетели министр обороны Язов, глава КГБ Крючков, председатель Верховного Совета Лукьянов, члены политбюро Ивашко и Бакланов. Позже должен был приземлиться самолет Руцкого — но его уже не стали дожидаться. К тому моменту уже стало ясно, что путч провален. Поэтому к приезду членов ГКЧП на «Зарю» московские сотрудники похватили автоматы и стали весьма показательно демонстрировать — как они охраняют президента.

— Руцкому после ГКЧП приписывали лавры человека, освободившего Горбачева.

— Это неправда. Никаким геройством там и не пахло. С Руцким приехали автоматчики, но их заперли в кинозале госдачи. Это, кстати, были не офицеры, а преподаватели Высшего пожарного училища.

— Как на вас отразилось следствие, начавшееся после ГКЧП?

— К нам приезжали следователи из КГБ, военной прокуратуры, генпрокуратуры. В отношении каждого проверялось — кто и что делал во время «заточения» Михаила Сергеевича. Но после ряда допросов следователи, в конечном счете, выяснили, что на время приезда президента я по функциональным обязанностям становился заместителем начальника личной охраны первого лица.

— Одна из версий тех событий звучит так, что Горбачев сам инициировал ГКЧП и уехал отсидеться в Форос, инсценировав свое заточение.

— Я согласен с той точкой зрения, что Горбачев мог рассчитывать, что ГКЧП поможет ему в борьбе с тем же Ельциным. Судя по поведению Михаила Сергеевича, его ничто не возмутило, он не принял никаких решений, не дал четких команд, не рвался из своего заточения. Иначе говоря — все было пущено на самотек. Быть может, он

надеялся, что вернется в Москву героем (выделено мной – ВП).

— Однако распад СССР и переход госдач в управление Украине, я думаю, вас затронул.

— Мы подчинялись Москве до июня 1992 года, когда встал вопрос об отдыхе президента Украины Леонида Кравчука. За Украиной традиционно оставались 9–10-е госдачи в Мухалатке, в которых отдыхали еще Шелест, Щербицкий. Поэтому Москва сказала — пожалуйста. Вскоре к нам нагрянула комиссия. Только приехала она не готовить приезд украинского президента. Мне на стол положили указ о передаче госдач под юрисдикцию Украины. Я связался с начальником Главного управления охраны Барсуковым, который заявил: «Стоять, никого не пускать, сейчас пришлем бригаду морской пехоты из Новороссийска!». Я ответил, что за кирпичи воевать не буду. После чего отправил указ Кравчука в Москву. Прошло две недели, за которые состоялась встреча Ельцина с Кравчуком в Сочи, но никаких результатов не было. Тем временем мне и угрожали, и уговаривали, а в один из дней сказали, мол, если на следующий день не согласитесь, то мы закрываем вас на госдачах, отключаем воду, электроэнергию, выставляем свои посты, а самолет с чемоданом ваших зарплат как прилетит, так и улетит. Я собрал руководящий состав, мы обсудили ситуацию и написали письма Кравчуку и Ельцину о том, что мы остаемся на объектах и переход госдач Украине не считаем предательством, так как Россия не отреагировала на наши запросы. Когда Ельцину положили на стол наше письмо, то он махнул рукой. Ему было все равно. Хотя речь шла о судьбе 500 российских офицеров и прапорщиков, чьи семьи жили, работали в Крыму, растили здесь детей.

В то же время бытует точка зрения, что М.Горбачева в Форосе никто не блокировал. Об этом свидетельствуют заявления участников, очевидцев тех событий, а также -

экспертов (<https://www.km.ru/front-projects/gkchp/gorbacheva-v-forose-nikto-ne-blokiroval>).

Одной из главных загадок в истории ГКЧП даже сегодня, спустя 20 лет, остается факт пребывания Михаила Горбачева на отдыхе на госдаче № 11 в крымском поселке Форос (объект «Заря»). Многие эксперты и историки пытаются понять, почему президент страны фактически самоустранился от событий, происходивших в Москве. Почему не предпринял никаких решительных шагов, не вернулся в столицу, не попытался сделать хоть что-то, чтобы взять ситуацию под свой контроль: как известно, Горбачев вернулся в Москву только вечером 22 августа, когда «путч» уже провалился.

Сам Горбачев впоследствии объяснил это тем, что провел «72 часа, как в Брестской крепости». «Я был полностью лишен связи, отключен, с моря блокирован кораблями, а с суши – войсками», – заявил Михаил Сергеевич там же, в Форосе, на первой пресс-конференции 21 августа.

Отсутствие телефонной связи в Форосе не помешало Александру Руцкому спокойно общаться с Горбачевым все три дня существования ГКЧП.

Между тем уже после развала СССР командир Балаклавской бригады пограничных сторожевых кораблей, которая якобы и «блокировала дачу с моря» в те августовские дни, капитан первого ранга Игорь Алферьев в одном из телеинтервью заявил: «3 августа 1991 года группа из четырех пограничных кораблей и подразделение малых катеров заступили на охрану государственной границы СССР в районе нахождения резиденции президента СССР. Организация службы с использованием такого количества сил и средств была введена еще в 1987 году, с момента размещения резиденции президента СССР в Форосе. С 3 по 23 августа мы несли службу в обычном режиме». По словам

Алферьева, получается, что как минимум с моря никто Горбачева не блокировал.

Дальше – больше. Сам Михаил Сергеевич вспоминает, что еще 17 августа на его дачу прибыла команда, посланная де разрушить узел связи. Правда, тогда непонятно, каким же образом он смог 18 августа поговорить по телефону с Ельциным, Назарбаевым, Янаевым (факт телефонных разговоров неоднократно подтверждали вышеупомянутые политики). Более того, на сессии Верховного Совета СССР, которая состоялась 28 августа 1991 года, «проговорился» первый заместитель премьер-министра Владимир Щербаков. Во время бурного обсуждения произошедших событий он в сердцах воскликнул: «Это – счастливая случайность, что Михаил Сергеевич Горбачев позвонил мне за 20 минут до конференции» (имеется в виду пресс-конференция ГКЧП 19 августа. – Прим. ред.). Александр Руцкой (на тот момент – вице-президент Российской Федерации) также признавался в многочисленных интервью, что говорил с Горбачевым до того, как 21 августа в Форосе появилась команда КГБ, которая якобы и включила ему связь.

О несостоятельности версии Горбачева о его якобы невозможности пользоваться на госдаче 19-21 августа средствами связи говорили и эксперты в этой области. Так, уже 24 августа 1991 года генеральный директор ленинградского НПО «Сигнал» Валентин Занин заявил в эфире местного радио: «Ознакомившись с версией Горбачева, сделанной письменно в газетах, я утверждаю, что таким образом изолировать президента СССР от связи невозможно. Я являюсь одним из производителей различных средств связи и могу сказать, что изоляция живого и не связанного президента возможна только при демонтаже основного оборудования, изъятии его и вывозе, чего не было сделано, как явствует из сообщения. Это – многие тонны. Т. е. был случай добровольного невыхода на связь».

Горбачев не воспользовался средствами связи, которые имелись у пограничников, которые несли службу в непосредственной близости от его дачи; не стал он почему-то «связываться с внешним миром» и через портативные рации, которые были на вооружении у его охраны и были полностью автономными (т. е. отключить их не мог и председатель КГБ Крючков).

Эти и другие факты и детали позволяют сделать вывод о том, что Горбачев отказался и от связи, и от возвращения в Москву сознательно. Если бы президент страны реально хотел оказаться в центре событий, думается, с его возможностями он вполне мог это сделать (выделено мной – ВП). Если говорить о самолетах, то сегодня уже известно, что в те дни 1991 года в обычном режиме выполнялись регулярные рейсы «Аэрофлота» из Крыма (некоторые работники ЦК КПСС, которые отдыхали в санатории рядом с дачей Горбачева, 19 августа, услышав о «путче», купили билет на самолет и через два часа были в Москве).

Примечательное признание сделал уже в 1995 году командир пограничной заставы, охранявшей дачу Горбачева снаружи, майор Виктор Алымов: «Ничего необычного на территории (госдачи) и около нее не наблюдалось, никаких вооруженных формирований не появлялось, охрана и семья президента, как обычно, купались в море». Ничего себе «Брестская крепость»!.. (О том, что аналогия, проведенная Горбачевым, в любом случае кощунственна, и говорить не приходится).

Итак, картина складывается странная: Горбачев, по словам офицера-пограничника, спокойно купается в море, руководство большинства республик и областей заняло выжидательную позицию, да и чрезвычайное положение нигде, кроме Прибалтики, не вводилось. ЦК КПСС тоже в те дни молчит, лишь сделав одно, не поддающееся логическому

объяснению заявление: «Мы не скажем о своем отношении к ГКЧП, пока не узнаем, что происходит с генеральным секретарем, товарищем Горбачевым». В Москве же тем временем разгорается конфликт руководства РСФСР с ГКЧП, который с каждым часом становится все острее. **Тогдашние российские руководители, по их собственным заявлениям, встали «на защиту Конституции и президента СССР». Т. е. фактически при полнейшем попустительстве руководителей СССР Ельцин и его окружение начали активно прибирать к рукам власть в стране** (выделено мной – ВП).

Примечательно и поведение Горбачева на встрече с прилетевшей к нему делегацией ГКЧП. Точнее, речь идет об одном члене ГКЧП – заместителе председателя Совета обороны Бакланове, а также группе т. н. «соучастников» и «сочувствующих», как их называют в исторических документах. Это замминистра обороны генерал армии Варенников, секретарь ЦК КПСС Шенин, руководитель аппарата президента СССР Болдин. Эти люди прибыли 18 августа, накануне «путча», в Форос, где состоялась их получасовая беседа с Горбачевым. Содержание беседы каждая из сторон впоследствии преподносила совершенно по-разному. Согласно версии Горбачева, он спросил у прибывших, кого они представляют и по чьему поручению прибыли. Получив ответ «По поручению комитета, созданного в связи с чрезвычайной ситуацией», Горбачев стал задавать вопросы о составе комитета, на которые получил не совсем вразумительные ответы. Затем Горбачеву, по его словам, предложили издать указ о введении чрезвычайного положения в стране и формировании соответствующего комитета. Когда он отказался это сделать, последовало требование передать президентские полномочия Янаеву, а самому удалиться от дел. Горбачев, дескать, пытался вразумить визитеров, предлагая им идти законным, конституционным путем –

созвать Верховный Совет или съезд, который бы решил, кого поддержать – президента или его оппонентов. Варенников потребовал от Горбачева подать в отставку, затем стал кричать. Горбачев был вынужден его одернуть. Когда визитеры поняли, что от Горбачева они ничего не добьются, они стали прощаться. В конце беседы он сказал им, чтобы его точку зрения немедленно донесли тем, кто их направил.

Совсем другая версия беседы была у гэкачепистов. В Москве они сказали, что никаких документов Горбачев не подписал, но высказали уверенность, что он сможет сделать это в будущем, а сейчас надо принимать решение самостоятельно. По словам «делегатов», после того как Горбачева ввели в курс дела, изначально нервная тональность беседы ушла, и начался спокойный, деловой разговор. Горбачев говорил о том, как нужно решать предлагаемые вопросы, пояснял, почему он занимает такую позицию. А пожимая на прощание визитерам руки, сказал: «Черт с вами, действуйте».

Болдин, в частности, объяснял: по столь щекотливому вопросу Горбачев попросту не мог сказать ни «да», ни «нет», и никогда не говорил, обходясь междометиями, молчанием или переводя разговор на другую тему, чтобы не сковывать инициативу.

Как и о чем на самом деле говорили Горбачев и «гости из Москвы», уже вряд ли кто-то когда-то узнает: беседа велась без стенографистки и не записывалась на магнитную ленту. Однако многочисленные свидетельства и факты, опровергающие как его версию о беседе 18 августа, так и версию о его «заточении» в Форосе в последующие три дня, заставляют как минимум усомниться в искренности слов экс-президента СССР.

К тому же не стоит забывать, что гэкачеписты предприняли еще одну попытку встретиться с Горбачевым. 21 августа во второй половине дня делегация ГКЧП

прибывает на президентскую дачу. Горбачев отказывается принять ее, отклоняет просьбы Крючкова и Лукьянова встретиться наедине, требует немедленно «восстановить связь с внешним миром». Почувствовав, что ГКЧП «провалился», связывается с Москвой и делает заявление о том, что полностью контролирует ситуацию, отменяет все указы и распоряжения ГКЧП, отстраняет его членов от государственных постов, назначает начальника Генштаба Михаила Моисеева, начальника Первого главного управления КГБ (внешняя разведка) Леонида Шебаршина и первого заместителя министра внутренних дел СССР Василия Трушина временно исполняющими обязанности глав силовых ведомств, звонит Ельцину, Кравчуку, Назарбаеву, Дементю, Каримову, а также Джорджу Бушу и Франсуа Миттерану.

В этой связи версия о том, что Горбачев сознательно пожертвовал интересами страны и своими личными амбициями, отдав власть Ельцину в обмен на почетную (главным образом на Западе) безбедную старость, напротив, выглядит довольно убедительной. Тем паче что в Москву из Фороса Горбачев возвращается с тогдашними ближайшими соратниками своего заклятого врага Ельцина Руцким и Силаевым (выделено мной – ВП).

. Воспоминания очевидца событий августовского путча 1991 года, которые происходили в госрезиденции Михаила Горбачева в Крыму (https://defendingrussia.ru/a/foros_gorbachev-3506/).

Врач-специфизолог, капитан медицинской службы Черноморского флота Юрий Воскресенский в августе 1991 года находился в госрезиденции «Форос». Он был там, когда президент СССР Горбачев приехал в Крым отдыхать. Позже он оказался свидетелем и участником событий, которые происходили на даче Михаила Сергеевича во время путча.

3 августа на заседании Кабинета министров СССР Горбачев заявляет о том, что в стране чрезвычайная ситуация, и надо принимать меры, включая введение чрезвычайного положения. 4 августа Горбачев прибыл в свою резиденцию в Крыму (выделено мной – ВП).

С половины пятого утра начиналась работа. Я греб на шлюпке, а ребята с аквалангами — под водой. Горбачев и его семья купались в море и надо было убедиться, что нет бомб. Так пройдем по воде всю территорию пляжа и все — я на базу, а они дальше осматривать, аж за дорогу, в горы. Так и жили.

Горбачев ни с кем не общался, даже с ближним окружением. Какое-то сволочное отношение было.

18 августа. В 16:32 на президентской даче были отключены все виды стационарной связи, в том числе и канал, обеспечивавший управление стратегическими ядерными силами СССР. По другим данным, сохранялась связь в домике охраны Горбачева. По другим данным, связь была отключена только в кабинете дачи Горбачева, но все виды связи работали в административном доме дачи. Кроме того, в резиденции находились президентские автомашины, оснащенные спутниковой связью.

Я думаю, Горбачев мог выйти на связь. Я командиру говорю: а чего мы сидим? Ну блокируют нас, а вон в море стоит пограничный корабль, на котором есть международная связь. Бойтесь по морю, так пустите с аквалангом водолаза и пусть он доплывет и по международному каналу на весь мир зачитает обращение Горбачева, о том, что с ним все хорошо, он жив-здоров и может управлять государством.

Всего-то надо было разбить теорию ГКЧП. Но Горбачев этого не сделал.

19 августа. в 01:00 Янаев подписывает документы о формировании Государственного комитета по чрезвычайному положению. Присутствующие члены ГКЧП подписывают Постановление ГКЧП № 1, где говорится о введении «в

отдельных местностях СССР» чрезвычайного положения сроком на шесть месяцев с 4 часов по московскому времени 19 августа. В 4 часа утра Севастопольский полк войск КГБ СССР блокирует президентскую дачу в Форосе. В 6 часов утра средства массовой информации СССР объявляют о неспособности Президента СССР выполнять свои функции по состоянию здоровья и о переходе власти к вице-президенту страны Геннадию Янаеву.

Началось все с того, что мы встали утром и по телевизору увидели «Лебединое озеро».

Никто ничего не понимал: радио не разговаривает, телефон не работает. Думали, что ретранслятор поломался. А у «выездников» были маленькие приемники и они «словили», что ГКЧП и что Горбачева блокируют. Горбачев хромал немного (от ред.: по некоторым данным, Горбачев отказывался ехать в Москву, ссылаясь на сильные проблемы с ногой), но о недееспособности речи не было. Гулял нормально у нас под окнами.

Мы долго еще ничего не понимали. Потом, когда поступила информация, что с берега дачу блокирует полк КГБ, а с моря — Черноморский флот, тогда нас собрали всех в конференц-зале. Мы думали, что придет Горбачев, но он и на этот раз не вышел. Когда был переворот в Чили, Альенде был рядом с теми людьми, которые за него умирали. Здесь же мы были сами по себе. Мы знали, что не выстоим против таких сил и готовились к худшему. Всем выдали оружие, а я развернул медицинский пост.

Помню, спросил у ребят, сколько мы продержимся если что. А они говорят: «Минут 15. С моря зайдет вертолет, сделает залп — половину положит, а потом сделает разворот и вторым залпом оставшихся положит. Героически умереть не получится».

И всем было обидно подышать за Горбачева. Все понимали, что погибнуть за президента — это наш долг, но почему именно за такого!

Были ли мы действительно заблокированы — сложно сказать. Флот был, и подводная лодка была, но сейчас в этом никто не признается. Разброд внутри армии, разброд внутри КГБ, новый союзный договор не подписан, и в результате Ельцин — спаситель нации.

21 августа. в 16:52 вице-президент РСФСР А.В.Руцкой и премьер-министр И.С.Силаев вылетают в Форос к Горбачеву. В 17:00 на президентскую дачу в Крым прибыла делегация ГКЧП. Горбачев отказался ее принять и потребовал восстановить связь с внешним миром. В это же время вице-президент Янаев подписал указ, в котором ГКЧП объявлялся распущенным, а все его решения признаны недействительными.

Горбачев не пустил делегацию ГКЧП. А спустя какое-то время приехали корреспонденты какого-то зарубежного СМИ — боюсь соврать, но, вроде, Би-Би-Си. Откуда они взялись?

Нас со всех сторон блокируют, а тут целый автобус журналистов. Поэтому я и говорю, очень мутная история.

22 августа в 00:04 Михаил Горбачев возвращается из Фороса в Москву вместе с Руцким, Силаевым и Крючковым на самолете Ту-134 российского руководства.

Горбачев вернулся в Москву. А меня отпустили домой — я приехал прямо в день рождения дочери. Подписывать ничего не просили — все и так понимали, что никто не будет болтать лишнего. Последствий не было никаких, ну кроме того, что со мной разговаривать боялись и командировочные не давали. У меня же все с отметками КГБ было, и мой командир как увидел — порвал командировочные.

Никто же не знал, как это все закончится, кто у власти будет. Потому и подлодку никуда не посылали — так мне показалось, — и с КГБ не сотрудничали, и меня никуда не отправляли.

Только потом в кабинетах, потихоньку, выпрашивали, как все на самом деле было

После провала ГКЧП был дан формальный старт развалу СССР, в результате которого Украина, Грузия и другие республики страны объявили о своей независимости

(<https://ukraina.ru/news/20180818/1020861238.html>).

Августовскому путчу - 25 лет, очевидцы говорят

Григорий Крошин

Прошло четверть века, в этом странном деле становится важным все. Все приобретает значимость. До мельчайших подробностей. До деталей быта, до прически и выражения глаз действующих и даже, на непросвещенный взгляд, вполне бездействующих лиц этого уникального спектакля (в том смысле, в каком Шекспир считал нашу жизнь театром), этого фарса с трагическим исходом...

И вроде все уже известно о том, что происходило в стране в эти жуткие августовские дни 1991 года - с 19-го по 22-е. Ну, кажется, уже все непосредственные участники столь необычной для советского человека детективной операции под кодовым названием "вызволнение президента" высказались и устно, и письменно. Но теперь, оказывается, важно уже не столько, ЧТО там было, сколько КАК. Как именно, какой походкой шел поверженный, еще несколько минут назад такой грозный шеф КГБ Крючков? Как в первые минуты вел себя избалованный в предательстве, бывший еще недавно таким всемогущим маршал Язов? Как держал себя (или вовсе не держал) наш законно избранный президент Горбачев? Как он был одет? Как выглядела первая леди страны Раиса Максимовна в той иррациональной для нее ситуации? И так далее. От этих деталей - кто знает, - может быть, будет зависеть в будущем установление истины в этом до сих пор еще довольно мутном факте переворота.

По всему по этому, несмотря на, казалось бы, имеющуюся у нас картину самого процесса освобождения Горбачева из лап путчистов, я могу поделиться с читателем теми подробностями, которые мне удалось "выудить" у

одного из непосредственных участников проведенной акции "вызволения", тогдашнего народного депутата РСФСР *Владимира ЛЫСЕНКО*.

Владимир Николаевич, как формировалась российская делегация для поездки в Крым?

Она формировалась Александром Руцким, тогдашним вице-президентом России. Он применил, надо сказать, этакий традиционный пролетарско-крестьянский принцип: составил список, в котором должны быть представлены все категории - кто-то от рабочих, кто-то от автономий... и так далее. Меня вообще не хотели включать туда... Я слышал, что сначала вроде и Александр Николаевич Яковлев хотел поехать...И Шеварднадзе?

- Нет, мне сказали, что Шеварднадзе отказался, мотивируя тем, что в его поездке, как он считал, нет необходимости. По-видимому, у него были какие-то сложные взаимоотношения с Михаилом Сергеевичем. Примаков с Бакатиным позвонили, выразили желание поехать, академик Шаталин позвонил, начал давать советы, как там нам надо поступать, но сам решил не ехать... Александр Любимов тоже где-то потерялся... И в конечном итоге оказалось, что депутатов осталось всего четыре человека. Яковлев в последний момент, по-моему, опоздал. Самолет уже начал заводиться, а туг Примаков с Бакатиным бегут, их удалось забрать. А Сергей Адамович Ковалев опоздал, и его уже не пустили в самолет.

- В каком состоянии вы нашли узника по прибытии в Форос?

В общем-то, в нормальном состоянии. Он к этому времени уже, видимо, был хорошо подготовлен. Дело в том, что путчисты, а также Ивашко и Лукьянов вылетели в Крым примерно в 14 часов, а в 16 они приземлились на местном аэродроме Бельбек, что рядом с дачей Горбачева. К этому времени связь, у президента была уже вновь налажена, он

уже многое знал о происходящем, имел возможность пообщаться с внешним миром, в том числе и с заграницей. Принять прибывших заговорщиков он наотрез отказался. Они сидели в комнате для гостей. Горбачев через некоторое время получил по своей связи сообщение, что к нему направляется российский самолет с премьер-министром Силаевым, Руцким и депутатами на борту. Когда мы сели в том же аэропорту Бельбек, нас встретил... первый секретарь Крымского обкома КПСС. В соответствии со старой "доброй" традицией... Он тут же проводил нас к Горбачеву. Нас попросили располагаться и немного подождать в комнатах для гостей. Я ходил по этим комнатам, там было множество дверей, я открыл одну из них и вдруг увидел... Крючкова, Ивашко, Лукьянова, Тизякова, Бакланова. Мне стало как-то не по себе от такого нелепого зрелища, и я быстро закрыл дверь...

Я успел заметить, что, однако, Язова там почему-то не было. Мне потом сказали, что он ушел в комнату к генералу, который командовал охраной Горбачева. По-видимому, Язов решил от остальной компании как-то отмежеваться. Кстати, механик, который встречал их самолет в аэропорту, сказал мне, что из самолета первым вышел Бакланов, а последним Язов. Выглядел он, по его словам, как размазня, если говорить по-русски. Он, наверное, был уже в очень плохом состоянии, его чуть "кондрашка" нехватила...

Итак, как вас встретил президент?

Держался он, я считаю, нормально. Беседа с нами длилась почти два часа, он часто улыбался, шутил даже. То есть вел себя в привычной своей манере. Не производил совершенно впечатление раздавленного обстоятельствами человека. Выглядел хотя и усталым, но не подавленным и не испуганным. Одет он был в свитер, пижамные брюки, на нем были импортные туфли, если вам это интересно.

Он, как вы думаете, ожидал именно такого исхода?

Не знаю... Во всяком случае, он не ждал такого скорого освобождения. Они с семьей уже, видимо, настраивались на самое худшее: с Раисой Максимовной случился удар... Смотреть на нее было очень тяжело.

Когда это случилось с ней?

Когда им стало известно из сообщения какой-то западной радиостанции, что Лукьянов сказал кому-то, что Горбачев настолько плох, что в этом состоянии его даже нельзя показать по телевизору. Она тут же представила себе, что теперь от них можно ждать самого страшного, что они постараются сделать все для того, чтобы и в самом деле довести его до такого "состояния", подогнать задним числом действительность под сказанное Лукьяновым...

. Мы стояли в комнате, где он с нами беседовал, как вдруг по лестнице к нам стала спускаться Раиса Максимовна. Ее трудно было узнать. Она шла очень медленно, была еще очень слаба. Она подошла к каждому из нас, со всеми поздоровалась за руку, поблагодарила за помощь, а с Примаковым расцеловалась.

Как вел себя Крючков?

А Крючкова близко я увидел уже тогда, когда была отдана команда "по машинам". Тут для меня была неожиданность: там стояло несколько черных машин, и я думал, что все их займет команда Горбачева, семья его, охрана, но... Вижу, что к одной из этих черных машин идет... Крючков! Причем кто-то из охранников, смотрю, любезно так провожает его к машине, и он садится в нее один, без какой-либо еще охраны. То есть в той же свите, в которой ехала команда Горбачева, ехал и Крючков... Все остальные преступники, видимо, ехали за нами в другой машине.

Охрана осталась верна Горбачеву?

Да, абсолютно. И Горбачев очень много раз подчеркивал это. Он сказал, что этих людей надо обязательно наградить.

Они заверили его, что будут верными ему до конца, будут защищать президента, если даже придется положить всю дивизию. Он неоднократно повторил, что охрана была его последней надеждой.

Как вы возвращались в Москву?

Я летел в российском самолете. Там три салона: один - правительственный, где находилась семья Горбачева. Силаев отдал ему этот свой салон, он как бы несколько изолирован от двух других салонов, а в тех летели мы с Силаевым и Руцким. По прилету Силаев вышел через задний люк (а передний был пока закрыт), чтобы выяснить, какова ситуация на аэродроме. Я шел через этот люк последним и мог наблюдать, как в салоне подошел к Крючкову один человек в штатском из охраны Горбачева и еще двое в военной форме - из команды Руцкого и объявили: "Вы арестованы, просьба следовать за нами". Крючков безвольно встал с кресла и, совершенно не сопротивляясь, покорно пошел за ними. По словам многих, Крючков был одним из самых умных из всей бравой восьмерки.

А Язов?

Язов вышел из Ил-62, который приземлился через 10 минут после нас. Он шел первым, держался прямо, как генерал, а за ним - вся команда Руцкого с автоматами наперевес. Внешне в этот момент он держался наиболее достойно. Команда Руцкого, мне кажется, готова была наброситься на Язова в любой момент и растерзать его. Такое было впечатление. Но он спокойно дошел до здания аэропорта, а там какие-то люди в штатском, видимо, горбачевская охрана, оттеснив ребят Руцкого, завели Язова в какую-то комнату вместе с его заместителем (не помню его фамилии), и с ними еще пошел наш, российский, министр внутренних дел Баранников, и они там еще в течение часа что-то выясняли.

Как Горбачева встретили в Москве?

Ну... Его встретили аплодисментами, уж не знаю, искренними или нет... Но, во всяком случае, каких-то расшаркиваний с его стороны по отношению к встречающим я не заметил. Все свои слова благодарности он сказал в основном в адрес России, в адрес москвичей, в адрес народа. По моим наблюдениям, он был счастлив. Такая деталь: когда Примаков тащил его к машине, чтобы скорее уехать с аэродрома, он ему несколько раз повторил: "Подожди, я хочу еще подышать свободным воздухом Москвы". То есть он вдруг совершенно четко почувствовал, что весь кошмар для него кончился. Что раз он на этой земле, в окружении людей, которые его уже будут охранять, он в полной безопасности. Он сказал тут же, что полк КГБ, который находится в Кремле, своим приказом вывел из подчинения органам и что полк этот будет теперь находиться в непосредственном подчинении президента СССР.

Вот и вся эпопея...

(<https://www.krugozormagazine.com/show/article.3135.html>)

Что касается событий в Форосе, то в информационных сообщениях имеют место взаимоисключающие утверждения по двум вопросам: во-первых, относительно содержания беседы М.Горбачева с делегацией, посетившей Форос 18 августа, т.е. еще до образования ГКЧП, во-вторых, в отношении того, был ли изолирован Президент в дни путча.

По первому вопросу полагаю, что М.Горбачев, как обычно, увильнул от определенного ответа о введении в стране чрезвычайного положения, отдав его решение на откуп членам ГКЧП. Такое поведение говорит о его трусости и лицемерии, а также о непоследовательности (ведь он сам 3 августа заявил о необходимости введения чрезвычайного положения). Он решил сманеврировать, посмотрев, кто возьмет верх – ГКЧП или Б.Ельцин.

Вызывает недоумение в поведении М.Горбачева тот факт, что вернувшись из Фороса он не организовал подписания нового Союзного Договора.

По второму вопросу можно однозначно утверждать, что никакой изоляции М.Горбачева в Форосе не было. И еще одно замечание по поводу его поведения. Как Президенту страны можно спокойно отдыхать на даче, когда в стране свирепствует чрезвычайный политический и экономический кризис? (<https://www.youtube.com/watch?v=rAoh-txMgtA>)

5.Образование ГКЧП

В. А. Крючков, Д. Т. Язов, да еще, пожалуй, Б. К. Пуго, министр внутренних дел, были основной опорой М. С. Горбачева до того момента, пока им не стало ясно, что со страной, армией, обществом может произойти беда, грозящая расколом Союза, национальными столкновениями, возросшим потоком беженцев, развалом экономики. В. А. Крючков докладывал президенту добытую нашей разведкой информацию западных спецслужб о целях развала СССР, необходимых мерах для окончательного уничтожения нашего государства как великой державы.

Вместо упраздненного Президентского совета был образован и утвержден на сессии Верховного Совета СССР Совет Безопасности. Это был уже конституционный орган. В него вошли В. В. Бакатин, А. А. Бессмертных, В. А. Крючков, В. С. Павлов, Б. К. Пуго, Е. М. Примаков, Д. Т. Язов, Г. И. Янаев. Большинство из них были привержены идеям реформирования жизни общества, укрепления могущества страны. Они поддерживали М. С. Горбачева в его борьбе с возникающими трудностями до тех пор, пока дело не дошло до распада государства, экономического хаоса и кровопролития. И здесь пути их не могли не разойтись.

По существу, блокированными оставались деятельность Кабинета министров и указы президента СССР.

Руководители глав государств, некогда входивших в Советский Союз, все чаще встречались без Горбачева и вопреки его желанию. Президент СССР действиями республиканского руководства был объективно отстранен от принятия решений. Но М. С. Горбачев до конца этого еще не понимал. Ему казалось, что, сосредоточив партийную и государственную власть, генсек-президент может безоговорочно управлять великой страной.

В сложившейся ситуации после безрезультативной встречи в Форосе 18 августа 1991 года руководители ряда ведущих министерств, ответственные работники ЦК КПСС во главе с председателем Кабинета министров СССР В. Павловым и вице-президентом страны Г. Янаевым принимают решение действовать, создав Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), существовавший с 18 по 21 августа 1991 года. Члены ГКЧП выступили против проводившейся Президентом СССР М. С. Горбачёвым политики перестройки, а также против подписания нового союзного Договора и преобразования СССР в эфемерный конфедеративный Союз Суверенных Государств.

Как ГКЧП создавался?

В декабре 1990 года председатель КГБ СССР Крючков В. А. поручил бывшему заместителю начальника ПГУ КГБ СССР Жижину В. И. и помощнику бывшего первого заместителя председателя КГБ СССР Грушко В. Ф. Егорову А. Г. осуществить проработку возможных первичных мер по стабилизации обстановки в стране на случай введения чрезвычайного положения. С конца 1990 года до начала августа 1991 года Крючков В. А. совместно с другими будущими членами ГКЧП предпринимали политические и иные меры по введению в СССР чрезвычайного положения конституционным путём. Не получив поддержки президента СССР и Верховного Совета СССР, с начала августа 1991

года они начали осуществлять конкретные меры по подготовке введения чрезвычайного положения.

С 7 по 15 августа 1991 г. Крючков В. А. неоднократно проводил встречи с некоторыми членами будущего ГКЧП на секретном объекте ПГУ КГБ СССР под кодовым названием «АБЦ». В совещании на объекте КГБ 17 августа 1991 года, обстановка в стране была оценена как критическая. 16–17 августа уже было известно, что Украина, Прибалтийские республики Союзный договор подписывать не будут, а значит – не будет и Союза. Поэтому было решено ввести чрезвычайное положение». О. С. Шенин четко заявил, что к выполнению обязанностей президента Горбачев относился преступно, что он нарушил клятву о защите Советской Конституции. Это и привело к развалу страны. Горбачев знал о подготовке Ельцина к действиям по окончательному развалу Советского Союза и ликвидации Советской власти, знал, что тот не подпишет Союзный Договор в Ново-Огареве. При этом Шенин сообщил, что Горбачев лично говорил ему 29 июля 1991 года об этом.

В этот же период времени Жижин В. И. и Егоров А. Г. по указанию Крючкова провели корректировку декабрьских документов по проблемам введения в стране чрезвычайного положения. Они же с участием бывшего в то время командующего воздушно-десантными войсками генерал-лейтенантом Грачёвым П. С. подготовили для Крючкова В. А. данные о возможной реакции населения страны на введение в конституционной форме режима чрезвычайного положения. Содержание указанных документов потом нашло отражение в официальных указах, обращениях и распоряжениях ГКЧП. 17 августа Жижин В. И. участвовал в подготовке тезисов выступления Крючкова В. А. по телевидению в случае введения чрезвычайного положения.

Участники ГКЧП на различных этапах его реализации отводили КГБ СССР решающую роль в:

устранении от власти Президента СССР путём его изоляции;

блокировании вероятных попыток Президента РСФСР оказать сопротивление деятельности ГКЧП;

установлении постоянного контроля за местонахождением руководителей органов власти РСФСР, Москвы, известных своими демократическими взглядами народных депутатов СССР, РСФСР и Моссовета, крупных общественных деятелей с целью их последующего задержания;

осуществлении совместно с частями Советской Армии и подразделениями МВД штурма здания Верховного Совета РСФСР с последующим интернированием захваченных в нём лиц, включая руководство России.

С 17 по 19 августа некоторые войска специального назначения КГБ СССР и спецподразделения ПГУ КГБ СССР были приведены в повышенную боевую готовность и передислоцированы в заранее выделенные места для участия совместно с подразделениями СА и МВД в мероприятиях по обеспечению режима чрезвычайного положения. За Президентом РСФСР Ельциным и другими оппозиционно настроенными лицами было установлено наружное наблюдение.

Геннадий Янаев неоднократно заявлял, что документы о введении в стране чрезвычайного положения были разработаны по поручению Горбачёва (<https://echo.msk.ru/programs/beseda/15381/>).

. Последний председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов и бывший 1-й секретарь МГК КПСС Юрий Прокофьев утверждают, что прообраз ГКЧП — комиссия по ЧП была создана на совещании у Горбачёва 28 марта 1991 года (http://www.ng.ru/ng_politics/2010-05-18/9_lukianov.html) и даже имела собственную печать. В комиссию вошли все

будущие члены ГКЧП, за исключением двух человек — Тизякова и Стародубцева. Начальник секретариата КГБ СССР (до августа 1991) Валентин Сидак утверждает, что печать ГКЧП была создана во время событий августа 1991 года, когда встал вопрос о введении комендантского часа в Москве.

Премьер-министр В. Павлов охарактеризовал экономическую ситуацию в стране как тревожную. Он сказал, что перед отъездом на «отдых» Горбачев принял участие в заседании Кабинета министров, потребовал в случае необходимости ввести чрезвычайное положение.

Через 20 лет после этих событий, в августе 2011 года Михаил Горбачев заявил, что заранее знал о планах будущих членов ГКЧП (<https://ria.ru/20110817/418879844.html>).

Валентин Варенников вспоминал: «В ночь с 18 на 19 августа руководство страны, учитывая отказ Горбачёва участвовать в действиях, вынуждено было создать „Государственный комитет по чрезвычайному положению“. Такого типа государственные структуры в то время имели право создавать два лица: Президент СССР или председатель Кабинета министров СССР. Руководитель Кабинета министров Валентин Павлов взял ответственность на себя, создал комитет и сам вошел в его состав».

В первом своём воззвании ГКЧП оценивал общие настроения в стране как весьма скептические по отношению к новому политическому курсу на демонтаж сильно централизованной федеративной структуры управления страной и государственного регулирования экономики; порицал негативные явления, которые новый курс, по мнению составителей, вызвал к жизни, как то спекуляцию и теневую экономику; провозглашал, что «развитие страны не должно строиться на падении жизненного уровня населения» и обещал жёсткое наведение порядка в стране и решение

основных экономических проблем, не упоминая, правда, о конкретных мерах.

19 августа 1991 года по радио (начиная с 6 утра), а затем и по Центральному телевидению СССР в информационной программе «Время» дикторами был зачитан официальный текст под названием «Заявление Советского руководства»:

«В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачёвым Михаилом Сергеевичем обязанностей Президента СССР и переходом в соответствии со статьёй 127/7 Конституции СССР полномочий Президента Союза ССР к вице-президенту СССР Янаеву Геннадию Ивановичу.

В целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости нашего государства.

Исходя из результатов всенародного референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик, руководствуясь жизненно важными интересами народов нашей Родины, всех советских людей

ЗАЯВЛЯЕМ:

1. В соответствии со статьёй 127/3 Конституции СССР и статьёй 2 Закона СССР о правовом режиме чрезвычайного положения и идя навстречу требованиям широких слоёв населения о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе, обеспечения законности и порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев, с 4 часов по Московскому времени с 19 августа 1991 года.

2. Установить, что на всей территории СССР безусловное верховенство имеют Конституция СССР и Законы Союза ССР.

3. Для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения образовать Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР) в следующем составе:

Бакланов — первый заместитель председателя Совета обороны СССР;

Крючков — председатель КГБ СССР;

Павлов — премьер-министр СССР;

Пуго — министр внутренних дел СССР;

Стародубцев — председатель Крестьянского союза СССР;

Тизяков — президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР;

Язов — министр обороны СССР;

Янаев — исполняющий обязанности Президента СССР.

4. Установить, что решения ГКЧП СССР обязательны для неукоснительного исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории Союза ССР.

Янаев, Павлов, Бакланов, 18 августа 1991 года.

Помимо членов ГКЧП прокуратура РСФСР обвиняла в соучастии в путче следующих лиц: первого заместителя Председателя КГБ СССР Агеева Г. Е., начальника службы охраны КГБ СССР Плеханова Ю. С., начальника специального эксплуатационно-технического управления при ХООЗУ КГБ Генералова В. В., заместителей Министра обороны СССР Варенникова В. И. и Ачалова В. А., члена

Политбюро, секретаря ЦК КПСС Шенина О. С., руководителя аппарата президента СССР Болдина В.И., 1-го заместителя председателя КГБ Грушко В.Ф.

Далее по радио было зачитано следующее заявление председателя Верховного Совета СССР А. И. Лукьянова о критике проекта Союзного Договора:

«Заявление Председателя Верховного Совета СССР

В связи с поступающими в мой адрес многочисленными обращениями трудящихся с просьбой высказать свое отношение к проекту опубликованного Договора о Союзе суверенных государств считаю необходимым отметить следующее. Как известно, проект Договора был в основном поддержан Верховным Советом СССР 12 июля 1991 года. При этом Верховный Совет образовал полномочную союзную делегацию и поручил ей при доработке и согласовании проекта Договора исходить из ряда положений, сформулированных высшим органом власти страны. Прежде всего было указано на необходимость отразить в наименовании и основных принципах Договора результаты Всесоюзного референдума, в ходе которого абсолютное большинство граждан страны поддержало сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик. Аналогичный подход к наименованию и характеру нашего союзного государства был сформулирован и Съездом народных депутатов СССР.

На заседании руководителей полномочных делегаций в Ново-Огареве эта позиция Верховного Совета СССР была подробно аргументирована. Однако она не нашла отражения в окончательном тексте Договора. И естественно, что данный вопрос, несомненно, потребует дополнительного обсуждения Съездом народных депутатов СССР, а возможно, и Всесоюзным референдумом, связанным с принятием новой Конституции. Верховный Совет СССР признал

целесообразным предусмотреть в проекте Союзного договора наличие в СССР единого экономического пространства, единой банковской системы и закрепления за Союзом собственности, необходимой для его нормального функционирования как федеративного государства. Особо было оговорено требование установления самостоятельных налоговых поступлений в союзный бюджет.

К сожалению, эти важнейшие положения не нашли достаточно четкого отражения в опубликованном тексте Договора. Об этом свидетельствуют и недавние заявления кабинета министров СССР, правления Государственного банка СССР, ряда других союзных органов. Тут, видимо, тоже требуются немалые коррективы в тексте Договора.

Исключительно серьезное внимание уделил Верховный Совет СССР прекращению так называемой "войны законов", на деле означающей вопиющее беззаконие. В связи с этим для включения в Договор была предложена норма, не допускающая приостановления Союзом ССР республиканских законов, а республиками - союзных законов, и разрешения возможных споров путем согласительных процедур или решениями Конституционного суда СССР. Несмотря на то что это предложение было поддержано виднейшими советскими юристами, оно также не нашло должного отражения в тексте Договора, подготовленного в Ново-Огареве. Нет особой нужды доказывать, насколько это опасно для формирования устойчивой правовой системы в нашей стране.

Значительно более четкого определения в Договоре требует порядок его реализации в переходный период, обеспечивающий преемственность в работе органов государственной власти и управления. Без этого невозможно будет поддерживать хотя бы в минимальной степени функционирование народного хозяйства в чрезвычайно тяжелой кризисной обстановке, сложившейся в стране.

Все эти проблемы требуют, по моему мнению, дополнительного обсуждения на сессии Верховного Совета СССР, а затем, видимо, и на Съезде народных депутатов страны.

Без этого такой наиважнейший для судьбы нашего государства документ, как Союзный договор, не сможет в полной мере выражать волю советского народа о сохранении Союза ССР - великой державы, призванной служить интересам граждан всех национальностей и оказывающей серьезнейшее воздействие на международную обстановку во всем мире».

Затем было зачитано официальное обращение Комитета ГКЧП к советскому народу, в котором, в частности, говорилось о том, что перестройка зашла в тупик и «возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства и захват власти любой ценой» и о решимости ГКЧП вывести страну из кризиса, а также содержало призыв ко всем советским людям «в кратчайший срок восстановить трудовую дисциплину и порядок, поднять уровень производства» и «оказать всемерную поддержку усилиям по выводу страны из кризиса».

В.Варенников на суде заявил: «Да, я выступил против мрака и позора, которые обрушились на нашу Державу. Но разве можно было дальше смотреть, как разваливается страна, ее оборона, нищает народ, рассыпается экономика, льется кровь в межнациональных конфликтах, расцветает преступность, как растлевают российских девушек – будущих матерей, как их продают в рабство за звонкую монету? Разве можно было дальше терпеть унижение нашей страны, холуйство и пресмыкание перед Западом?»

Судите меня – я против всего этого! Против разложения и унижения своего народа! Против падения нашего Отечества! Найдите самую суровую статью за спасение

человеческой души. Я только буду гордиться этим!» (из брошюры «Судьба и совесть» - <https://www.twirpx.com/file/1586714/>).

Затем было зачитано официальное постановление № 1 (ГКЧП), которым, в частности, расформировывались «структуры власти и управления, военизированные формирования, действующие вопреки Конституции СССР», приостанавливалась деятельность партий и общественных организаций, «препятствующих нормализации обстановки», вводился запрет на собрания, демонстрации и забастовки и вводилась цензура в СМИ:

Установить контроль над средствами массовой информации, возложив его осуществление на специально создаваемый орган при ГКЧП СССР.

По распоряжению Председателя КГБ СССР В. А. Крючкова загородная дача в Архангельском Московской области, в которой находился Президент РСФСР (России) Б. Н. Ельцин, была окружена спецподразделением Альфа.

По распоряжению Министра обороны СССР Д. Т. Язова в Москву утром 19 августа вводятся войска и боевая техника в количестве:

4 тысячи солдат и офицеров

279 боевых машин пехоты,

148 бронетранспортёров,

362 танка Кантемировской дивизии

В указе и.о. президента Г. И. Янаева говорилось:

«В связи с обострением обстановки в г. Москве — столице СССР, вызванной невыполнением постановления ГКЧП № 1 от 19 августа 1991 года, попытками организовать митинги, уличные шествия и манифестации, фактами подстрекательства к беспорядкам, в интересах защиты и

безопасности граждан в соответствии со статьей 127 части 3 Конституции СССР постановляю:

1. Объявить с 19 августа 1991 года чрезвычайное положение в городе Москве.

2. Комендантом города Москвы назначить командующего войсками МВО генерал-полковника Н. В. Калинина, который наделяется правами издавать обязательные для исполнения приказы, регламентирующие вопросы поддержания режима чрезвычайного положения».

Кроме того, в заявлении ГКЧП говорилось о необходимости с 4.00 часов взять под охрану важнейшие государственные учреждения и объекты. Что же касается комендантского часа, то он был объявлен, но не введен. Сил и средств, несмотря на то, что были вызваны и прилетели в Москву еще два парашютно-десантных полка, все же было недостаточно для обеспечения ввода ЧП. У здания Верховного Совета РСФСР собралось около 70 тысяч человек, поэтому вопрос о разгоне толпы даже не обсуждался на совещании ГКЧП. По городу было организовано патрулирование на боевых машинах пехоты и бронетранспортерах. Применять оружие было строго запрещено.

Кто мог предположить, что Попов и Лужков организуют возведение баррикад? К тому же при проходе техники под мостом в районе проспекта Калинина были задержаны БМП. Их забросали бутылками с зажигательной смесью.

6. Причины поражения ГКЧП

Как точно выразился Г. Янаев, ГКЧП потерпел поражение в результате «своего бездействия, своей политической и деловой анемии» (<https://www.youtube.com/watch?v=HNoiKNnVt1M>). Имея силу и возможности, не довели дело до конца. «ГКЧП обвиняют в нерешительности. Но я не мог поступить, как Ельцин в 1993

году, не мог быть Пиночетом и кого-то арестовывать – пишет Д.Язов. А арестовывать надо было верхушку во главе с Ельциным. Комитет госбезопасности, Министерство внутренних дел говорили мне: «Выдели в Медвежьих озерах две казармы, будем туда сажать арестованных». Но так никого и не арестовали».

В.Варенников не без основания считал, что «Янаев фактически не имел постоянной сильной поддержки со стороны членов ГКЧП и не смог твердо управлять страной. Да, все они были едины, однозначно определили свой курс, что выражено в документах ГКЧП, но в организаторской работе должным образом себя не проявили. Обязав Янаева исполнять обязанности президента, многие считали, что этого вполне достаточно, все остальное само собой приложится. Так могло быть в нормальном государстве, но не в таком расшатанном, каким оно было, и тем более в то время».

Б.Ельцин узнал о создании ГКЧП и принял решение прибыть в Москву в Белый Дом (Дом Верховного Совета РСФСР). Командир подразделения Альфа получил приказ не препятствовать его выезду и прибытию в Москву, что стало **основной ошибкой** руководства ГКЧП.

В.Варенников пишет: «Что же касается выполнения своих функций 18, 19, 20 и 21 августа 1991 года, то, как показывают документы, В. Павлов был якобы нездоров, что не позволило ему выполнить свои задачи, в том числе главную – встретиться и переговорить с Ельциным, как это было оговорено 17 августа 1991 года на объекте КГБ с названием «АБЦ». Возможно, и не было бы тех провокаций, с которыми столкнулись мы в эти дни. Но это лишь часть того, что осложнило ситуацию».

В Белом Доме Б. Н. Ельцин отказывается сотрудничать с ГКЧП и принимает решение о неподчинении действиям ГКЧП, назвав их действия антиконституционными.

Руководство ГКЧП направляет к Белому Дому танковый батальон 1-го мотострелкового полка 2-й Таманской дивизии под командованием начальника штаба Сергея Евдокимова.

Днём 19 августа армия ограничивается занятием ключевых постов на улицах Москвы. Не получая дальнейших и решительных приказов, под психологическим давлением демонстрантов, сторонников Ельцина, происходит разложение армии и бегство её на местах с демонстрантами. Танковый батальон 1-го мотострелкового полка 2-й Таманской дивизии под командованием начальника штаба Сергея Евдокимова переходит на сторону Ельцина, разворачивая свои 10 танков уже в защиту Белого Дома. Ельцин выходит к своим сторонникам и на одном из находящихся танков публично зачитывает обращение:

«Граждане России. В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранён от власти законно избранный президент страны. Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым реакционным, антиконституционным переворотом».

И вновь слово В.Варенникову: «Жаль, что не хватило напора, чтобы довести дело до конца. Жаль и то, что Дмитрий Тимофеевич не провел личной беседы с каждым членом коллегии Министерства обороны и не убедил в необходимости действовать сплоченно и во имя народа. В коллегии началась возня. А некоторые ее члены даже отдавали распоряжения вопреки интересам ГКЧП (и, следовательно, министра обороны). Например, начальник Генерального штаба генерал армии Михаил Алексеевич Моисеев по просьбе из Белого дома отдал распоряжение в Главные штабы ВВС и ПВО, чтобы они пропустили и приняли самолет на военном аэродроме Бельбек (Крым), на котором летел Руцкой с командой «спасать» Горбачева. Этот самолет вылетел несколько позже самолета министра обороны, который уже ждал аудиенции у Горбачева, но так и не дождался.

В. А. Крючков не позаботился о своей безопасности, и Д. Т. Язов тоже не сделал этого. Можно представить наивность этих двух крупнейших начальников. Они считали, что, летая в Советском Союзе в любое время и в любое место, они в полной безопасности – никто не позарится на их личность: все-таки союзные министры! Да еще и какие! Но оказалось, лететь к врагу надо «вооруженным», а в затеянной круговерти не упускать инициативу, наоборот, наращивать усилия и привлечь для обеспечения безопасности страны необходимые силы – вот тогда и появится возможность для свободы действий. Ведь действия же были во благо нашего народа!

Когда случилось несчастье и всех из-за их поразительной беспечности арестовали, то что-то предпринимать было уже поздно. Очень жаль, что получилось все так нелепо и прискорбно. Но больнее всего осознавать все это, когда видишь нынешнюю реальную жизнь».

В 17:00 19 августа в Москве в пресс-центре МИД состоялась пресс-конференция ГКЧП, показанная по телевидению. Члены комитета держались неуверенно, руки Янаева дрожали. Слова членов ГКЧП были больше похожи на оправдания (Г. Янаев: «Горбачёв заслуживает всяческого уважения...»). Янаев заявил, что «начатый в 1985 году курс на демократические преобразования (перестройка) будет продолжен, а Горбачёв находится на отдыхе и лечении в Форосе и ему ничто не угрожает. Он назвал Горбачёва своим другом и выразил надежду, что тот после отдыха вернётся в строй и они будут вместе работать».

Вечером 19 августа по телевидению был показан сюжет, в котором было показано выступление Ельцина на танке напротив Белого дома, где он назвал ГКЧП путчистами и призвал народ к сопротивлению.

Сопротивление ГКЧП принимает форму митингов в Москве возле Белого дома и Моссовета и в Ленинграде возле Мариинского дворца. 20 августа в Москве возле Белого дома, являвшегося резиденцией российских властей, состоялась демонстрация, собравшая 200.000 москвичей в поддержку Ельцина. Возле Дома Советов москвичи строят баррикады на случай возможного штурма здания, в Белом доме создаётся штаб обороны.

О том, что на самом деле происходило вокруг Белого дома рассказывает командир танковой роты Кантемировской дивизии лейтенант Бондаренко. Он доложил рапортом по команде: «19 августа 1991 года в Москве неизвестные лица предлагали ему три миллиона рублей наличными и автомобиль-иномарку за танк».

Эти «неизвестные» развозили водку, строили баррикады из троллейбусов, спаивали людей. Лужков с Поповым на автобусах завозили водку к Белому дому. Многие просто перепились. Собчак в это время морочил голову народу в Ленинграде.

Я помню, как в среду, т.е. 21 августа, после обеда, ближе к вечеру в кабинет заходит мой управляющий делами Министерства Ю.Крапивин и распахивает окно, выходящее на ул. Куйбышева. Я выглянул и ужаснулся. По улице рекой текла толпа орущих людей, которые чем попало били стекла. Было такое впечатление, что все они пьяны. Я тут же отдал приказ о немедленной эвакуации всех сотрудников Министерства. Через минут десять Ю.Крапивин доложил, что кроме охраны, первого заместителя В.Колосова, моего шофера и нас двоих в доме никого больше не осталось. Наше Министерство было не на пути толпы и оно не подверглось, к счастью, нападению. Видимо, была дана команда сокрушать все, что принадлежало ЦК КПСС. Ю.Крапивин посоветовал мне отправиться домой, пока соседняя улица, ведущая к метро, еще была свободна. Я

послушался его совета, так как в Министерстве делать было уже нечего. Б.Ельцин, ставший хозяином положения, издал Указ, в котором возложил исполнение обязанностей министров Союзного Правительства на их первых заместителей. Мой шофер знал в центре Москвы все проезды и мы вскоре мчались домой на дачу, хотя пришлось изменить маршрут, не доезжая до здания СЭВ. Я приехал на дачу около 7 вечера и моя жена обрадованно спросила, что же такое могло стрястись, что впервые за полгода в рабочий день я приехал домой вовремя. Я ей рассказал о событиях этого дня, и мы пошли смотреть телевизор, по которому шел репортаж о происходившем в центре Москвы. Об этих событиях написано немало, снято несколько документальных фильмов, и нет никакой необходимости их пересказывать. Могу только сказать, что когда мы проезжали через Смоленскую площадь по дороге на дачу, то все Садовое кольцо в районе проспекта Калинина было уже запружено взволнованными людьми, и нам пришлось буквально протискиваться через толпу, которая несмотря на то, что моя "Волга" имела правительственный номер, вела себя нейтрально и люди спокойно расступались перед машиной. Проехать же по мосту на Кутузовский проспект напрямую, повторяю, было уже невозможно.

В.Варенников писал: «Нас удивляла и возмущала пассивность КПСС и народа в целом. А из КПСС мы особо выделяли профессионалов партийцев, тех, кто составлял аппарат ЦК, крайкомы, обкомы, горкомы, райкомы. Почему они не возмутились и не выступили в августе 1991 года против неконституционных действий псевдодемократов, начиная от сборища у здания Верховного Совета РСФСР и до погромов всех партийных органов и союзных структур, а также открытого и наглого расхищения имущества и финансов партии?! Никакого протеста. Просто удивительно.

Видно, многие десятилетия нормальной, благополучной жизни стали порождать (особенно после Сталина)

благодушие, самоуспокоенность, самоуверенность. Люди забыли о бдительности, а у определенной части руководства появились зазнайство, чванство, высокомерие. Они фактически оторвались от народа, а по большому счету, они и не знали свой народ. На высокие посты в партии попадали порой случайно, по протекции или указанию сверху».

Президент РСФСР Ельцин издает указы, переподчиняющие ему союзные исполнительные органы власти и союзную армию, назначенный Ельциным министром обороны РСФСР генерал Кобец издал указ о выводе войск из Москвы и возвращение их в места постоянной дислокации. Внутри Белого дома оборону заняли милиция, охрана Белого дома, некоторые офицеры милиции и КГБ, ветераны афганцы, вооруженные стрелковым оружием. Тысячи москвичей образовали живое кольцо вокруг Белого дома, заняли оборону на баррикадах, чтобы помешать возможному штурму.

В Ленинграде 20 августа прошла 400-тысячная демонстрация протеста против переворота на Дворцовой площади, весь центр был заполнен людьми и ГКЧП не решился ввести войска в Ленинград, танки и парашютно-десантные части были остановлены на подступах к городу. В дни путча в аппарат движения «Демократическая Россия», оказывавшего активное сопротивление ГКЧП, идут сотни сообщений с мест о готовности начинать массовую кампанию гражданского неповиновения.

Вечером 20 августа в Москве объявляется комендантский час. В ночь с 20 на 21 августа в центре Москвы недалеко от Дома Советов происходит инцидент, в результате которого происходит столкновение моторизованного армейского патруля с защитниками Белого дома. В результате столкновения с демонстрантами, хаотичного маневрирования бронетехники и применением солдатами стрелкового оружия трое защитников Дома

Советов погибли. Ожидаемый защитниками Белого дома ночью с 20 на 21 августа штурм так и не состоялся. К ночи 21 августа в армии наметился раскол, большинство воинских частей отказались выполнять приказы ГКЧП, военная активность чрезвычайного комитета сошла на нет. В 3 часа ночи главком ВВС Маршал Шапошников предложил Министру обороны Язову вывести войска из Москвы, а ГКЧП разогнать. Утром 21 августа Министр обороны СССР Д. Т. Язов на военной коллегии отдаёт приказ вывести из Москвы войска в места постоянной дислокации.

В 9 утра 21 августа на совещании у и. о. Президента СССР Г. И. Янаева было принято решение направить делегацию в Форос к М. С. Горбачёву в составе Лукьянова, Язова, Ивашко и Крючкова.

В тот же день около 16:00 Президиум Верховного Совета СССР под председательством главы палаты Совета Союза Лаптева принял постановление, в котором объявил незаконным фактическое отстранение президента от исполнения его обязанностей и потребовал от вице-президента отмены указов и основанных на них постановлений о чрезвычайном положении как юридически недействительных с момента их подписания[28].

В 16:52: Вице-президент РСФСР А. В. Руцкой и премьер-министр РСФСР И. С. Силаев вылетают в Форос к Горбачёву. Другим самолётом в 14:15 в Крым вылетают некоторые члены ГКЧП (Крючков, Язов, Бакланов и Тизяков) вместе с Лукьяновым для переговоров с Горбачевым.

В 17:00: На президентскую дачу в Крым прибыла делегация ГКЧП. М. С. Горбачёв отказался её принять и потребовал восстановить связь с внешним миром. В это же время вице-президент СССР Янаев подписал указ, в котором ГКЧП объявлялся распущенным, а все его решения — недействительными.

Позднее Горбачев никак не отреагировал на сговор в Беловежской Пуще. Он даже формально не подписал ни одного документа, зная, что никакой его указ никто исполнять не будет. Это означало, что Горбачев потерял власть и ему ничего не остается, как начать кланчить для себя у Ельцина льготы.

7. Суд над путчистами

22 августа в 00:04 по московскому времени Михаил Горбачёв вернулся из Фороса в Москву вместе с Руцким и Силаевым на самолёте Ту-134. Крючков, Язов и Тизяков после прилёта из Фороса были сразу арестованы.

В 6 часов утра того-же дня вице-президент Геннадий Янаев был задержан в своем рабочем кабинете и доставлен в прокуратуру РСФСР.

В 10:00 состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР под руководством председателей палат ВС СССР И. Лаптева и Р. Нишанова. Президиум дал согласие на привлечение к уголовной ответственности и арест народных депутатов СССР Олега Бакланова, Василия Стародубцева, Валерия Болдина, Валентина Варенникова и Олега Шенина.

После поражения и самороспуска ГКЧП их действия были осуждены органами законодательной и исполнительной власти СССР, РСФСР и ряда других союзных республик и квалифицированы как государственный переворот. В историографии события 18—21 августа 1991 года получили название «Августовский путч».

Согласно данным, полученным РИА из достоверных источников, один из членов так называемого государственного комитета по чрезвычайному положению, министр внутренних дел СССР Борис Пуго покончил жизнь самоубийством. Его труп обнаружен представителями правоохранительных органов, пришедшими его

арестовывать. Он покончил с собой выстрелом из штатного пистолета.

Информационные агентства балтийских республик сообщили, что Председатель ВС СССР Анатолий Лукьянов якобы являлся "главным идеологом хунты, главным идеологом переворота". Об этом заявил также премьер-министр России Иван Силаев 22 августа на сессии парламента республики. Выступая перед депутатами, он сказал, что окончательно убедился в этом вчера при встрече Лукьянова с Горбачевым, которая проходила в его присутствии. "Было противно смотреть, как он унижительно оправдывал свое бездействие, пытаясь ввести нас в заблуждение. Я ему не верю", - заявил Иван Силаев.

К находящемуся в больнице Валентину Павлову была приставлена охрана. Об этом информировал Президент РСФСР Борис Ельцин, выступая на сессии ВС России. Ельцин сообщил, что в последние часы ему звонили руководители всех ведущих государств мира и отметили роль России в защите процесса демократизации. Ельцин сообщил также, что за признание полномочий ГКЧП и выполнение его решений смещены со своих постов несколько председателей областных исполнительных комитетов.

На проходящей чрезвычайной сессии ВС РСФСР представитель Прокуратуры РСФСР заявил, что были заведены уголовные дела на всех членов преступной "восьмерки", затеявшей государственный переворот. Он подтвердил факт ареста вчера после прилета из Фороса Крючкова, Язова, Тизякова, а также сообщил, что сегодня была направлена группа для ареста бывшего министра внутренних дел СССР Пуго, однако при попытке группы войти в квартиру, Пуго застрелился. Он также сообщил, что только что Прокуратура РСФСР закончила обыск в служебном кабинете вице-президента СССР Янаева, сам Янаев в

настоящее время допрашивается Прокуратурой РСФСР. Следствие будет вести Прокуратура РСФСР.

По некоторым данным, член ГКЧП Олег Бакланов был сначала задержан, но отпущен на свободу, так как он являлся народным депутатом СССР. Меры пресечения к нему были приняты после решения ВС СССР о лишении его депутатской неприкосновенности. Василий Стародубцев находился за пределами Москвы, принимались меры к его задержанию.

Первоначально им было предъявлено обвинение – измена Родине. Арестованным разъяснили, что они обвиняются по статье 64 — это измена Родине, деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание помощи в проведении враждебной деятельности против СССР.

Язов возразил: «У меня иное понятие о том, что такое измена Родине. Измена президенту — пожалуй, да, имеет место. Но Родину свою я не предавал. Что в моих действиях было конституционно, что нет— надо разобраться. Я считаю, что подписание новоогаревского договора явно неконституционно. Организатор этого акта — Горбачев.

Мы всего-навсего выразили наше возмущение по поводу распада СССР, потребовали от президента ввести чрезвычайное положение». Через несколько месяцев Генеральной прокуратурой РФ это обвинение было отменено за отсутствием состава преступления.

В конце ноября 1991 г. было предъявлено новое обвинение – заговор с целью захвата власти (как самостоятельное преступление). Но в УК РСФСР такой

статьи нет. Следовательно, придерживаясь требований законодателя, такое деяние не может быть объявлено преступным. Оно по существу было абсурдным.

В действительности все лица, которые обвиняются в заговоре с целью захвата власти, уже были у власти и захватывать им эту власть не надо было. При этом у руля законодательной власти был Лукьянов, руководителем исполнительной власти был Павлов, за президента официально был оставлен Янаев, вся военная сила была в руках Язова, все силы и средства КГБ были у Крючкова, МВД – у Пуго, партийной – у Шенина, Совета обороны – у Бакланова. Надо отметить, что по указанию ГКЧП и отдельных его членов ни один орган в стране не был ликвидирован и никто не арестован.

Члены ГКЧП в своих воспоминаниях подробно описали ход следствия и здесь нет необходимости на этом останавливаться. Однако приведу здесь заявление одного из адвокатов Д.Язова. Лев Сергеевич Абельдяев дал интервью газете «Патриот», где попытался рассказать правду: «Я не единственный адвокат Дмитрия Тимофеевича. Мы работаем вместе с адвокатом Николаем Викторовичем Печенкиным. Поскольку у нас одинаковые позиции по всему, что связано с делом, буду говорить от имени нас обоих.

Судя по всему, над маршалом, как, впрочем, и над другими обвиняемыми по этому делу, готовят не суд, а самую настоящую расправу, не имеющую ничего общего с правовым действием. Какие признаки свидетельствуют об этом? Их много. Остановлюсь лишь на некоторых, самых, что ли, ярких.

Нелепость предъявленного обвинения увидели сами его творцы. Что делать? Прокуратура, убедившись, сколь несуразна воздвигнутая ею обвинительная конструкция, изменила формулировку обвинения. Теперь оно стало таким: «Заговор с целью захвата власти как самостоятельное

преступление», то есть уже без «измены Родине»... Да нет такой статьи в законе! «Заговор с целью захвата власти» — лишь форма измены Родине.

О том, что следствие ведется с обвинительным уклоном, я покажу на примере одного мелкого факта. В печати проскочила небольшая заметка. Ее автор имел отношение к разработке правительственных средств связи. Он утверждал, что гекачеписты никак не могли лишить Горбачева связи с внешним миром...

Почему бы не допросить автора публикации в качестве специалиста? Не провести экспертизу с его участием? Если хочешь найти истину, это просто необходимо. Но нам отказали. Значит, истина не нужна. Она будет мешать.

Тем более что рейтинг узников Матросской Тишины поднимается. Народ видит, что с ними хотят расправиться. Поэтому власть имущие и подливали масла в огонь.

Что касается самочувствия нашего подзащитного, то оно, мягко говоря, оптимизма не вызывает. За последнее время Язов похудел на 24 килограмма.

Обеспокоенные здоровьем подзащитного, мы обратились с просьбой провести его медицинское обследование в стационарных условиях. Получили ответ, что Д. Т. Язов «в стационарном лечении не нуждается», подпись — А. В. Фролов.

Да не о лечении мы просим, а всего лишь обследовать! Но, видимо, в наших ходатайствах ищут не то, что в них есть, а что приказано видеть... Фролов — не врач, а юрист.

Но на этом эпизоде издевательства не прекратились. По нашей просьбе в августе к Язову были приглашены два известных врача — генерал-майор медицинской службы профессор Иннокентий Всеволодович Шастин и полковник Игорь Михайлович Новиков. Они осмотрели больного, рекомендовали провести обследование в стационарных

условиях. Мы снова обратились к Фролову. «У нас возражений не будет», — ответил он на этот раз.

Но, увы, радоваться было рано. Через три дня новое распоряжение прокурора: «Мы посоветовались и решили, что вернемся к рассмотрению этого вопроса после того, как обвиняемый прочитает все 140 томов дела».

Вот почему я и говорю, что не исключена возможность расправы и до суда».

14 января 1992 года следствие по делу ГКЧП было завершено, а 7 декабря того же года материалы дела были переданы генеральному прокурору России для утверждения обвинительного заключения. Ровно через неделю оно было подписано. К январю 1993 года после окончания следствия и ознакомления с томами уголовного дела все обвиняемые были освобождены из-под стражи под подписку о невыезде.

Был определен состав суда, которому предстояло рассматривать наши дела. Председательствовать должен был заместитель председателя Военной коллегии Верховного Суда РФ генерал-лейтенант Анатолий Тимофеевич Уколов. Народными заседателями были назначены генерал-лейтенант Юрий Дмитриевич Зайцев (в отставке) и генерал-майор Павел Иванович Соколов (служит в Вооруженных Силах).

Председательствующий принял постановление, в котором определялось, что дело взято к производству, первое судебное заседание дела назначается на 14 апреля 1993 года. А в феврале 1993 года подсудимым выдали обвинительное заключение в пяти томах. Таким образом, для подготовки к суду оставалось всего два с небольшим месяца. Заседания планировалось проводить в здании Военной коллегии Верховного суда РФ.

На первом суде подсудимых было двенадцать (перечисляю в последовательности, которая определена

уголовным делом): Г. И. Янаев, А. И. Лукьянов, В. С. Павлов, В. А. Крючков, Д. Т. Язов, О. С. Шенин, О. Д. Бакланов, В. И. Варенников, Ю. С. Плеханов, В. В. Генералов, А. И. Тизяков, В. А. Стародубцев.

Этих обвиняемых защищала сильная группа адвокатов: А. М. Хамзаев, Г. П. Падва, А. М. Гофштейн, А. П. Галоганов, Ю. П. Иванов, Н. М. Пилипенко, А. С. Абельдяев, Н. В. Печенкин, И. И. Мацкевич, П. Я. Крайний, А. К. Шмырев, Д. Д. Штейнберг, Г. М. Резник, Е. Ю. Львова, В. В. Халмаш, Ю. Б. Поздеев, Г. Г. Каджардузов, И. П. Грицюк.

Государственные обвинители были представлены от Генеральной прокуратуры РСФСР в следующем составе: Э. Г. Денисов (руководитель группы), Л. М. Сюкасов, О. Т. Анкудинов, Р. Р. Барсегян, А. Б. Данилов, В. П. Митюшов, В. Н. Пронин, В. В. Смыков, В. Е. Фадеев. Всего девять человек.

В.Варенников в своих воспоминаниях писал: «В феврале 1993 года Верховный суд вручил нам Обвинительное заключение по уголовному делу № 18/6214-91. Председательствующий суда определил место в здании суда, где мы можем собираться и, пользуясь материалами предварительного следствия (т. е. 150-ю томами дела по ГКЧП), готовиться к очередному судебному следствию.

Это было очень удобно. Первую половину дня я мог работать с необходимыми материалами и общаться со своими товарищами, с адвокатом, а после обеда продолжать подготовку уже дома. На мой взгляд, условия для нашей работы были созданы нормальные. Теперь многое зависело от нас самих.

Однако в нашем коллективе первоначально складывалась, на мой взгляд, не совсем открытая обстановка. В аудитории, отведенной нам для работы, было установлено множество столов так, чтобы можно было свободно общаться и советоваться. Но многие почему-то

работали со своими адвокатами обособленно. Переговорив с рядом товарищей, мы прямо поставили вопрос: индивидуализм может навредить и даже подорвать нашу позицию. Дело общее, поэтому общим фронтом и надо выступать, а, следовательно, принципиальные вопросы обсуждать сообща, независимо, от кого они исходят. В том числе это касалось и будущих ходатайств.

С нами согласились все. Да и не могло быть иначе. И хоть в деле ГКЧП каждый из нас имел свое место и играл разную роль, все мы были объединены одним убеждением – действия наши были правомерны.

Еще до начала заседания мы определились по поводу всех общих ходатайств и тех, что должны были быть заявлены каждым из нас. Уже на этом этапе мы полностью подготовились к тому, чтобы активно участвовать в судебном процессе. Таким образом, наша договоренность сыграла большое значение. Мы и в последующем, уже в ходе судебных заседаний, собирались в перерывах, живо обсуждали ту или иную проблему, вырабатывая единый взгляд и определяя порядок и тактику наших последующих действий. Каждый из нас испытывал удовлетворение от того, что все мы хорошо организованы и сплочены. Это было очень важно».

Но осенью 1993 года в стране произошли известные трагические события (<https://historynotes.ru/rasstrel-belogodoma/>). Естественно, они наложили свой отпечаток и на судебный процесс. Все, что происходило в Москве, начиная с 21 сентября, подтверждало: осуществляется второй этап контрреволюции, против которой в августе 1991 года выступало ГКЧП.

Октябрьская 1993 года трагедия была тяжелее той, что произошла в августе – декабре 1991 года, а действия властей еще более позорными. Творилось непоправимое, что навечно оставляло уродливые шрамы на облике России.

После октябрьской трагедии, приблизительно через месяц после основных событий Военная коллегия Верховного Суда продолжила свои судебные заседания.

23 февраля 1994 года подсудимые по делу ГКЧП были амнистированы Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации, несмотря на возражение Ельцина. Вышло Постановление Государственной Думы.

Определение Военной коллегии гласило:

«ОПРЕДЕЛЕНИЕ

1 марта 1994 г. город Москва

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации в составе: председательствующего Уколова А. Т., народных заседателей Зайцева Ю. Д., Соколова П. И. в судебном заседании по уголовному делу в отношении Лукьянова А. И. и других, рассмотрев вопрос о прекращении дела вследствие акта амнистии,

УСТАНОВИЛА:

Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 23 февраля 1994 г. издано Постановление «Об объявлении политической и экономической амнистии», пунктом 1-а которого предписано прекратить все уголовные дела, в том числе и не рассмотренные судами, в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по событиям 19–21 августа 1991 г., связанным с образованием Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и с участием в его деятельности.

Лукьянову А. И., Павлову В. С. Крючкову В.А., Язову Д. Т., Шенину О. С., Бакланову О. Д., Варенникову В. И., Плеханову Ю.С, Генералову В. В. и Стародубцеву В. А. предъявлено обвинение в совершении преступных действий, связанных с событиями 19–21 августа 1991 г., и образовании Государственного комитета по чрезвычайному положению.

Следовательно, акт амнистии непосредственно распространяется на возбужденное в отношении этих лиц дело.

Общий порядок применения акта амнистии, изданного во время судебного разбирательства дела, регламентирован ч. 3 ст. 5 УПК РСФСР, согласно которой суд в таком случае доводит разбирательство до конца и при вынесении обвинительного приговора освобождает осужденного с учетом амнистии от наказания. Однако пункт 9 Постановления Государственной Думы от 23 февраля 1994 г. «Об объявлении политической и экономической амнистии» предписывает немедленное исполнение пункта 1 этого акта, то есть предусматривает прекращение уголовного преследования привлекаемых к ответственности лиц непосредственно на той стадии, на которой находится процесс судопроизводства.

Таким образом Государственной Думой установлен особый порядок применения амнистии по данному делу, согласно которому суд обязан немедленно прекратить дело в отношении каждого из подсудимых, не возражающего против принятия такого решения.

Постановление вступило в законную силу и подлежит исполнению.

Учитывая, что никто из подсудимых не возражает против применения к нему акта амнистии, и руководствуясь п. 4 ст. 5 и ст. 261 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации

ОПРЕДЕЛИЛА:

Уголовное дело в отношении Лукьянова Анатолия Ивановича, Павлова Валентина Сергеевича, Крючкова Владимира Александровича, Язова Дмитрия Тимофеевича, Шенина Олега Семеновича, Бакланова Олега Дмитриевича, Варенникова Валентина Ивановича, Генералова Вячеслава

Владимировича и Стародубцева Василия Александровича прекратить на основании пунктов 1-а и 9 Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 23 февраля 1994 г. «Об объявлении политической и экономической амнистии».

Меру пресечения — подписку о невыезде в отношении указанных лиц, а также арест, наложенный на их имущество, отменить.

Гражданские иски, заявленные к подсудимым в связи с данным делом, оставить без рассмотрения.

А. Уколов, Ю. Зайцев, П. Соколов».

Однако один из подсудимых, Валентин Варенников, отказался принять амнистию и над ним продолжился суд, который он, в конечном итоге, выиграл. Валентин Иванович Варенников с амнистией не согласился. В ходатайстве Варенникова. говорилось:

«1 марта 1994 года на судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации было доведено Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 23.02.94 г. «Об объявлении политической и экономической амнистии».

В связи с этим в тот же день я сделал суду следующее заявление: «Против решения Государственной Думы об амнистии возражений не имею. Но еще раз подчеркиваю, что на протяжении всех стадий предварительного, а также в ходе судебного следствия я не признавал и не признаю предъявленные мне обвинения. Считаю и считаю себя не виновным. Одновременно заявляю суду ходатайство о возбуждении уголовного дела по факту развала Советского Союза.

Я соглашаюсь с актом амнистии, имея в виду, что судом будет рассмотрено и удовлетворено мое ходатайство— ведь факт развала страны состоялся, против чего я и выступал.

Однако прошло два месяца, но никакого решения суда по этому поводу мне не объявили.

Выражая глубокое уважение прежнему составу суда, который действительно проявил гражданское мужество, придерживаясь объективной правовой позиции во время ведения судебного следствия, я одновременно сожалею, что суд не смог рассмотреть заявленное ходатайство, хотя оно по сути было моим моральным условием принятия амнистии.

В связи с этим и учитывая, что Президиум Верховного Суда Российской Федерации удовлетворил протест государственного обвинения и дело об августовских событиях (1991 г.) будет вновь рассматриваться новым составом суда, а подсудимые заново будут опрашиваться об их отношении к амнистии, я заявляю, что возражаю в отношении применения амнистии ко мне лично.

Считаю своим неременным долгом перед нашим народом и Отечеством сделать все возможное, чтобы вскрыть в ходе судебного следствия истину и показать общественности причины тяжелейшей трагедии, свалившейся на наше государство. Хотя бы в общих чертах раскрыть структуры и конкретных лиц, виновных в развале Советского Союза и страданиях людей всех бывших союзных республик. Это не может оставаться тайной. Стремление «упрятать концы в воду» является позорной традицией. Кроме того, судебное следствие позволит мне доказать мою невиновность.

К сожалению, в России все без исключения партии и движения, политики, историки, журналисты даже не обозначили свое намерение провести объективный анализ всего того, что произошло. Ибо развал Советского Союза и разгром хоть и незначительных демократических приобретений — это событие не только XX века, а эпохальное, историческое для всего человечества. Это

трагедия всего мира, и ее главные последствия еще нас ожидают впереди.

Провозгласив демократию, мы должны двигаться к правовому государству. Установление истины по делу ГКЧП несомненно явится именно таким шагом и благотворно скажется на установлении гражданского мира и на морально-политическом состоянии нашего народа, его истинных патриотов. Одновременно это вселит в их сознание надежды на будущее.

В. И. Варенников.

Апрель 1994 года»

21 июня 1994 года в 10 часов утра начался суд – для В.Варенникова уже второй. Видно, основные сотрудники Военной коллегии дело ГКЧП хорошо изучали еще в ходе основного, т. е. первого процесса. Поэтому затяжек с началом процесса не было.

Председательствовал член Военной коллегии Верховного Суда генерал-майор В. А. Яськин. В роли народных заседателей были генерал-майор В. И. Подустов и контрадмирал Н. Н. Юрасов, оба действующие офицеры. Разумеется, на них налагалась большая ответственность за судьбу дела, но в то же время они, как и любой человек, были далеко не безразличны к своей собственной судьбе. Ведь исполнительная власть, начиная с президента РФ Ельцина, ждала, что суд раздавит Варенникова, уличит его в самом тяжком преступлении, тем самым на ГКЧП будет выжжено клеймо позора. Если же суд вынесет другое решение, то его авторов будет ждать соответствующая участь.

В роли государственного обвинителя выступал полковник А. Б. Данилов, бывший в составе группы государственных обвинителей и на первом суде. Тогда за ним были закреплены подсудимые Язов и Варенников. Какие-то категорические выводы относительно Аркадия Борисовича

Данилова мы с Дмитрием Тимофеевичем Язовым и адвокатами сделать тогда не могли – вел себя ровно, своими вопросами особо от других прокуроров не выделялся. Поэтому на первом суде и сейчас на втором он был загадкой. Хотя В.Варенников чувствовал в нем внутреннее благородство.

В день начала судебного процесса у здания Военной коллегии Верховного Суда РФ собралось огромное количество людей во главе с Виктором Ивановичем Анпиловым. Они демонстрировали солидарность и искренне поддерживали В.Варенникова. Эта акция, конечно, имела огромное значение для поднятия духа. Лозунги, плакаты, многочисленные обращения волновали и радовали. В.Варенников чувствовал и видел, как много у него искренних сторонников и верных друзей.

Большой отряд милиции старался не допустить каких-либо эксцессов. Собравшиеся люди вели себя достойно, провокаций не было. Это тоже радовало. Когда В.Варенников подошел к демонстрантам и завел с ними разговор, началось что-то неопишное. Люди старались пожать ему руку, подбодрить, выразить свою солидарность. Он подробно рассказал им, что будет в суде, каких позиций будет придерживаться, и, естественно, тепло поблагодарил всех за поддержку.

В зале суда В.Варенников появился за полчаса до начала заседания. Все места для гостей были уже полностью заняты. И здесь его тоже тепло приветствовали. Удивительное дело – ведь начинается суд, а у В.Варенникова праздничное настроение! Да и суд-то какой – обвинение по самой тяжелой статье в Уголовном кодексе, а у него при взгляде на всех окружающих на душе стало легко и даже радостно. Конечно, он волновался и глубоко осознавал, что сейчас несет полную ответственность не только за себя лично, не только за всех двенадцать его товарищей,

привлеченных к суду по делу ГКЧП, но за принципиальную политическую оценку событий августа 1991 года и за свою личную офицерскую честь.

Вместе с амнистией власти все концы упрятали в воду. Однако неожиданно возник судебный процесс над Варенниковым, и у властей, начиная с Ельцина, не было никаких сомнений, что суд врежет Варенникову под самую завязку.

И вот этот суд начался. Все заняли свои места. Раздается уже знакомая команда коменданта: «Прошу встать. Суд идет!» Все стоя встречают высокий суд во главе с В. А. Яськиным. Заседание начинается с обычной проверки явки подсудимого, свидетеля, затем устанавливается личность подсудимого, объявляется состав суда и разъяснены права отвода. В.Варенникову также разъясняются его права. Затем приступили к заявлениям и разрешению его ходатайств. Их было много. Поэтому на их разбирательство ушло несколько дней. Но из всех выделено главное – ходатайство о возбуждении уголовного дела по факту развала Советского Союза. Это был настоящий взрыв бомбы.

Ниже следует текст этого небольшого, но весьма знаменательного ходатайства:

«Военная коллегия Верховного Суда РФ

От Варенникова В. И.

ХОДАТАЙСТВО

17 марта 1991 года в итоге всесоюзного референдума наш народ выразил свою волю сохранить Союз Советских Социалистических Республик. И хотя все годы «перестройки» подводили нашу страну к все более тяжелому политическому и социально-экономическому кризису, люди надеялись, что их воля будет реализована.

Однако, вопреки всенародному волеизъявлению, бывший Президент СССР Горбачев М. С. и еще несколько лиц приняли решение о подписании нового Союзного договора, который исключал из состава СССР ряд республик и фактически уже разваливал Союз. Подготовленный в Ново-Огареве проект договора на обсуждение Верховного Совета СССР не выносился и не утверждался, следовательно, он не имел юридической силы.

Считаю, что в этих и других действиях имеются признаки преступного деяния. А наступившие вслед за этим тяжелые последствия продолжают усугубляться и сейчас пагубно сказываются на жизни нашего народа.

На основании изложенного и существующего законодательства прошу Суд возбудить уголовное дело по факту развала Советского Союза и виновных лиц в этой трагедии привлечь к уголовной ответственности.

Необходимо, наконец, открыто и гласно разобрать все то, что произошло с нашей страной, назвать причины трагедии и виновных, дать факту ликвидации Великой Державы объективную правовую оценку.

Молчание дальше продолжаться не должно. Надо положить конец утаиванию правды от людей. И народ России, и народы Мира должны знать, почему развалили Советский Союз и кто это сделал.

Выяснение в судебном заседании истины и одновременное принятие парламентом страны законов, не позволяющих повторения нарушения воли, прав и свобод народа, пресечение разгула преступности и беспредела – залог стабилизации обстановки и целостности России, основа начала выхода страны из кризиса и возрождения нашего Отечества. В этом каждый нормальный человек видит сегодня спасение.

Убежден, что объективное судебное разбирательство этого самого важного и самого тяжелого вопроса для нашего народа высоко поднимет авторитет правосудия России.

В. И. Варенников.

21 июня 1994 г.».

Завершив все подготовительные действия, разобрав все заявления и ходатайства сторон, суд приступил к главному – к судебному следствию. Было оглашено обвинительное заключение. Председательствующий спросил В.Варенникова понятно ли предъявленное обвинение. Он ответил, что существо обвинения совершенно непонятно, все надумано и ложно. В.Варенников заявил, что не считал и не считаю себя виновным. Суд никак не отреагировал, однако протокольно мое заявление было зафиксировано.

Затем был обсужден вопрос о порядке проведения допросов. В.Варенников сказал, что меня устраивает любой вариант, который будет предложен судом.

Наконец, председательствующий предоставил мне слово для дачи показаний. В книге В.Варенников приводит их текст в сокращенном варианте, но сохранив суть каждого вопроса. Его выступление заняло два дня. В речь на первом суде он внес изменения, но незначительные – глубже дал причинно-следственные связи событий августа 1991 года с тем, что происходило до этого (т. е. фактически дал обоснование августовским событиям), а также резче поставил вопросы, связанные с нарушениями закона, которые допускались органами государственной власти.

Но, прежде чем познакомить читателя с речью В.Варенникова на процессе, замечу, что суд проходил на фоне весьма памятных, а иногда и странных событий. Так, в Белоруссии приняли конституцию, согласно которой в стране вводится пост президента. Глава Грузии Шеварднадзе обратился к президенту США Клинтону с просьбой

содействовать направлению войск ООН в Грузию для стабилизации обстановки. Государственная Дума Федерального Собрания РФ принимает постановление «О политическом урегулировании отношений власти с органами власти Чеченской Республики». Совет Федерации Федерального Собрания крайне низко оценил доклад председателя правительства Черномырдина по вопросу выхода страны из кризиса, в том числе по разрешению кризиса платежеспособности в экономике РФ. Было отмечено, что у правительства в этой области нет никакой программы. Черномырдину даны соответствующие поручения (странно было слышать, что Черномырдин проявил полную беспомощность – как же он мог руководить правительством?).

Ельцин поручает правительству провести с Чечней необходимые консультации и в итоге подготовить проект договора с Чеченской Республикой. Но, к всеобщему удивлению, это поручено Шахраю, который уже к этому времени многое загубил, а Дудаев объявил его «врагом чеченского народа» (как и следовало ожидать, через месяц Шахрая вообще убирают с поста министра национальностей).

Президент Ельцин представляет Совету Федерации Федерального Собрания РФ кандидатуру Ильюшенко на пост Генерального прокурора России. Но всем известны его махинации и преступные действия. Поэтому, несмотря на многократные его представления, Совет Федерации проявил твердость и не утвердил Ильюшенко (через два года его посадили).

Наконец, необходимо отметить еще один факт. По мере продвижения ельцинских «реформ» все острее становилось недовольство широких масс властью и все ярче выражалась поляризация общества. Поэтому, чтобы отвлечь народ от острых социальных проблем, связанных с постоянными невыплатами заработной платы, пенсий, пособий, стипендий,

а также безработицей, огромным количеством беженцев и т. д., Ельцин призвал все партии и движения подписать Договор об общественном согласии. Фактически договор был фиговым листком и никакой стабильности в обществе не достиг. Обстановка в стране продолжала ухудшаться, и это тоже подтверждало правоту членов ГКЧП и их соратников, которые стремились не допустить развала и кризиса в стране.

Конечно, все это благотворно влияло на дух, который царил в зале заседания суда.

Итак, показания В.Варенникова на суде:

«Уважаемый председательствующий!

Уважаемый суд!

Общественные и социальные явления нашей жизни могут быть – и я в этом уверен – осмыслены объективно лишь при условии диалектического подхода к их познанию. То есть к познанию явлений действительности в их взаимосвязи, развитии и движении.

Поэтому невозможно правильно понять события августа 1991 г. в отрыве от процессов, которые происходили в нашем государстве задолго до тех тяжелых дней. А это пыталась сделать Генеральная прокуратура РФ на предварительном следствии. В свое время я был одним из тех, кто подписал известный документ под названием «Слово к народу». Это обращение начиналось следующей фразой: «Случилось огромное, небывалое горе. Родина, страна наша, государство великое, данные нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнут, ломаются, погружаются во тьму и небытие. И эта гибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии».

Этим была выражена боль за судьбу Отечества и народа. И это обращение во многом предопределило мое участие в августовских событиях 1991 г.

«Слово к народу» по существу отражало мои идеалы и принципы, формировавшиеся на протяжении всей моей сознательной жизни.

Своим принципам и идеалам я остался верен и поныне. Изменять их не намерен, независимо, какой приговор суд мне вынесет.

И как бы ни изощрялись прислужники от закона в лице Степанкова, обвиняющие нас в боязни «разбора конкретных фактов», ничего у них не получилось и не получится. Историческая правота за нами! Что касается разбора фактов, то здесь, в суде, я буду давать те же показания, какие я давал и на стадии предварительного расследования. Я ничего в показаниях не менял на всех этапах и менять не собираюсь. Я готов их повторить многократно, если это будет действительно способствовать установлению истины по делу.

Моя жизненная позиция формировалась не в кабинетах власти, где пребывают наши политические оппоненты, а в боях и сражениях за честь и независимость нашей Родины в условиях, когда преданность Отечеству, патриотизм, верность своему народу, своему долгу являлись главными критериями человеческой порядочности и ценности...

Мои показания будут состоять из двух частей.

Первая часть посвящена только одной проблеме – изложению в хронологической последовательности всех фактов, имевших место в августе 1991 года, их оценке, а также доказательству абсурдности предъявленных мне и ГКЧП в целом обвинений. Вторая часть – мои идеалы, оценки событий августа 1991 года и нарушения законности и прав человека.

Приступаю к изложению первой части. Сегодня уже ни для кого не является секретом, что августовские 1991 года события не могли возникнуть спонтанно. Страна за годы так

называемой перестройки была доведена до всеобщего развала. Поэтому появление органа, противодействующего этому развалу, стало исторически и политически неизбежным. Именно этим следует объяснить образование Государственного комитета по чрезвычайному положению и его выступление за Конституцию, за сохранение Союза, за стабилизацию положения в стране, за наведение порядка в государстве, против обнищания народа и разграбления государства.

Появление и выступление ГКЧП – это объективная необходимость, и уже только поэтому оно – такое выступление – законно, как и Комитет, который явился органом этого выступления.

Известные политические фигуры стараются лиц, проходящих по делу ГКЧП, представить в глазах общественности злоумышленниками, которые якобы замыслили захватить власть, создать для всего народа ГУЛАГи. Они заявляют, что, мол, подсудимые боятся суда, боятся разоблачений.

Но мне, как и другим, нечего бояться! Наоборот, боятся те, кто ждет возмездия. Я же, привлеченный незаконно по делу ГКЧП, заинтересован, чтобы Суд установил истину и чтобы народ узнал всю правду, в том числе – кто виновен в развале нашей великой страны.

Свои показания я намерен построить следующим образом.

Вначале дать полные показания по факту происшедших событий в августе 1991 года (этому и будет посвящено мое выступление сегодня).

В последующем – дать показания по причинам и мотивам, побудившим меня к действиям в августе 1991 года, и, наконец, о своих принципах, мировоззрении и правовой и политической оценке августовских событий 1991 года, о

противозаконных действиях против меня Генеральной прокуратуры СССР и РФ.

Показания по факту событий. Изложенные в обвинительном заключении доводы о моей виновности в совершении преступления, предусмотренного статей 64 Уголовного кодекса Российской Федерации, с моей точки зрения, являются несостоятельными, надуманными, никакими доказательствами не подтвержденными.

Отдельные части обвинения наполнены просто ложным содержанием, в чем легко убедиться.

Многие положения обвинительного заключения, как я уже говорил, мне непонятны или совершенно не имеют ко мне отношения.

Считаю необходимым особо подчеркнуть: в моих действиях нет никакого состава преступления, а потому виновным себя, конечно, я не признавал и не признаю.

Однако мое душевное и нравственное состояние угнетено, как у любого гражданина Советского Союза, кому дорого Отечество. Угнетено тем, что я не смог сделать все необходимое для сохранения единства нашей державы, не предотвратил катастрофу, не пресек гнусные действия предателей – архитекторов и прорабов перестройки.

Еще раз прошу, уважаемый Суд, обратить внимание на то, что принципы и суть показаний, которых я придерживался со дня моего ареста, постоянно выдерживались на всей стадии предварительного следствия. Я ни в чем не каялся в прошлом, не намерен делать это сейчас. Более того, я готов доказать беззаконие, допущенное должностными лицами по моему делу.

Показания по факту событий буду строить в хронологической последовательности с 16-го по 20-е августа 1991 года, а также с учетом места действий, согласуя все это с предъявленным обвинением.

Итак:

I. 16 августа. Москва.

Том 4 л.д. 154 Обвинительного заключения. Записано: «16.8.91 года Язов к участию в заговоре привлек своего (подчеркиваю) заместителя Варенникова, посвятив его в планы: 1) срыва подписания Союзного договора и 2) введения чрезвычайного положения.

На него (т. е. Варенникова) как на Главкома СВ планировалось возложить обязанности по непосредственному обеспечению режима чрезвычайного положения» (конец цитаты).

Сразу хочу заявить, что это ложное, бездоказательное обвинение! Теперь по сути.

Во-первых, авторам Обвинительного заключения должно быть известно, что я – не заместитель Язова, а заместитель министра обороны СССР. И это принципиально.

Во-вторых, мне совершенно непонятно, в какие планы Дмитрий Тимофеевич Язов мог посвятить, если ни плана срыва подписания Союзного договора, ни плана введения чрезвычайного положения (ЧП) не существовало.

В-третьих, мне непонятно: кто, где, когда планировал и мог ли планировать возложение на меня обязанностей по непосредственному обеспечению режима ЧП? И в деле это нигде не проходит.

Действительно, 16 августа 1991 г. у нас с министром обороны состоялся разговор, в ходе которого оценивалась социально-политическая обстановка в стране. Встречи с министром обороны были частыми, в том числе и по таким вопросам. Поэтому и эта встреча не была какой-то особенной. Что касается затронутых вопросов и почему он своими взглядами поделился именно со мной, то могу отметить:

– во-первых, все оценки ничего нового для меня совершенно не давали, я только лишний раз убедился, что и Язов также озабочен состоянием дел в стране, как, впрочем, все нормальные, честные люди, для которых интересы своего народа превыше всего;

– во-вторых, избрал он меня для изложения своих мыслей потому, что знал мое крайне отрицательное отношение к возникновению любых конфликтов, которые имели место у нас в стране и которые, к сожалению, не находили своего разрешения;

– в-третьих, зная мой объем работы, большую загруженность, министр обороны заблаговременно ориентировал меня о возможном появлении новых задач, чтобы я мог предусмотреть их в своих планах. Он предупредил меня: не исключено, что в некоторых районах страны в целях стабилизации обстановки может быть применен на практике Закон «О правовом режиме чрезвычайного положения». И в этом случае я должен быть готов отправиться в Киев и обеспечить вместе с республиканскими и областными органами спокойствие и порядок в оперативных границах Киевского, Прикарпатского и Одесского военных округов. Тем более что у меня там были и свои служебные дела (в это же время, т. е. в августе, продолжали рассматриваться вопросы по выводу наших войск с территории стран Восточной Европы, в т. ч. в эти военные округа).

Все это тоже для меня не было чем-то необыкновенным и неожиданным. Мы фактически уже жили в чрезвычайной обстановке, о чем официально говорил в своих документах Верховный Совет СССР в 1990 году: тяжелейшие события на Кавказе, в Приднестровье, Прибалтике и Средней Азии. Во многих событиях приходилось мне принимать личное участие и с болью наблюдать, как разваливается государственность, народное хозяйство, страдают люди.

16.8.90 г. на нашей встрече Язов, акцентируя мое внимание на тяжелой обстановке в стране, говорил о том, что надо помогать народу!

О тяжелой обстановке и возможном введении чрезвычайного положения говорил и свидетель Горбачев в обвинительном заключении. Цитирую: «... все это открыто звучало (т. е. необходимость введения ЧП)... в декабре 1990 г. на Верховном Совете, когда давали мне особые полномочия. Одни говорили дать их, другие – зачем давать, когда он их не использует. Надо ввести президентское правление в Литве, Латвии. Это же открытым текстом шло» (конец цитаты).

Поэтому обстановка в стране. для меня была предельно ясной. И то, что она требовала немедленных адекватных мер по пресечению губительных для государства и народа сепаратистских тенденций – мне тоже было ясно. И я сам открыто об этом говорил.

Таким образом, и до 16.8 у меня, как и у каждого советского человека, было очень тревожно на душе за судьбу Отечества. Думаю, что мои мысли – это отражение переживаний основной части нашего народа. Я хорошо знал наш народ и особенно настроение личного состава войск, офицерского корпуса, их семей, потому что был постоянно среди людей по долгу службы и депутатским обязанностям.

Мои мысли совпадали и с теми высказываниями, которые делались подавляющим большинством руководства страны, республик и областей.

Лишь Горбачев и еще два-три человека говорили, что в стране, так сказать, идет нормальный процесс демократического развития. До какой же степени цинизма и политической безответственности нужно дойти, чтобы резкое падение уровня жизни народа называть нормальным процессом! Кстати, мое личное восприятие складывающейся

обстановки обусловлено было еще и тем, что ежемесячно получал аналитическую информацию о разрушительном спаде производства и небывалом падении уровня жизни.

К сожалению, эта информация подтверждалась, а прогнозы оправдывались. Учитывая тяжелую ситуацию в Вооруженных Силах и в военно-промышленном комплексе (имеются в виду уродливые формы конверсии), военные настояли, и 18.10.89 г. Горбачев провел Главный Военный совет. Ему доложили о критической ситуации. Он заявил, что все сказанное – правильно! Будем поправлять и, чтобы действовать оперативно, будем встречаться не менее двух раз в год. А фактически? Никаких мер и ни одной встречи! Стало еще хуже, о чем я ему, Горбачеву, как и другие, высказал 18 августа 91 года в Крыму, т. е. через два года.

На встрече же 16 августа у министра обороны Д. Т. Язова ни одного слова не было сказано в отношении Союзного договора. И хотя в газетах уже был опубликован проект этого договора, и офицеры уже с возмущением у меня спрашивали, что это значит, почему проект договора не отражает результаты референдума, я Дмитрию Тимофеевичу на встрече не задал по этому поводу ни одного вопроса, а он совершенно не комментировал этот документ. Почему? Да потому, что мы уже привыкли, извините, к выходкам Горбачева.

В Обвинительном заключении (т. 1, л. д. 2) сделана потрясающая запись: «Результаты проведенного в марте 1991 г. референдума, восстановление государственности республик, реализация права на самоопределение потребовали разработки концепции нового договора – о союзе суверенных государств с существенным изменением соотношения функций центральной и республиканских властей». Ну, не фальсификация ли это референдума?

Ведь результаты референдума говорили о другом: 1) сохранить Союз, а не разваливать его; 2) пользоваться

существующим Союзным договором, а не создавать новый; 3) выполнять существующую Конституцию, и если жизнь требует, то вносить в нее изменения и параллельно готовить новую; 4) если какая-то республика хочет выйти из состава Союза, то делать это на основе принятого съездом народных депутатов закона, который предусматривает на этот процесс пять лет».

Обсудив заявленные ходатайства, Военная коллегия пришла к следующим выводам.

Заявление Варенникова В. И. о возбуждении уголовных дел подлежит направлению на основании ст. 109 УПК РСФСР в Генеральную прокуратуру в связи с тем, что, согласно ст. 256 УПК РСФСР, суд вправе возбудить уголовное дело в отношении лиц, не привлеченных к уголовной ответственности, лишь тогда, когда установлены обстоятельства, указывающие на совершение этими лицами, преступления.

Эти обстоятельства судом не установлены и не являются предметом исследования, поскольку в соответствии со ст. 254 УПК РСФСР разбирательство дела в суде производится только в отношении обвиняемых и лишь по тому обвинению, по которому они преданы суду.

Ходатайство защитника о назначении военно-технической экспертизы не подлежит удовлетворению на этой стадии судебного разбирательства, так как в деле имеется заключение соответствующих экспертов, выводы которых еще не исследованы судом.

Ходатайство потерпевших о возмещении морального вреда не подлежит рассмотрению в суде, поскольку основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, предусматривающие возмещение морального вреда, вступили в законную силу с 1 января 1992 года. События же, с которыми потерпевшие связывают причинение морального

вреда, произошли 20 августа 1991 года, то есть когда правовых оснований для его возмещения еще не имелось.

Ходатайство защитника о вызове Нишанова Р. Н. в качестве свидетеля подлежит удовлетворению.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 29, 109, 261 и 276 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации определила:

1. Вызвать на судебное заседание свидетеля Нишанова Р.Н.

2. Заявление подсудимого Варенникова В. И. о возбуждении уголовных дел в отношении лиц, виновных в развале Советского Союза, и в отношении Нишанова Р. И. направить в Генеральную прокуратуру Российской Федерации по подследственности.

3. Ходатайство защитника о назначении военно-технической экспертизы оставить без удовлетворения.

4. В удовлетворении ходатайства потерпевших Комарь А.А. и Усова А. А. отказать.

Председательствующий по делу В. А. Яськин.

Народные заседатели В. И. Подустов, Н. Н. Юрасов».

Так завершилось судебное преследование путчистов, восставших, чтобы спасти Советский Союз и социалистический строй.

8.Послесловие

1. Еще в декабре 1988 года Горбачев на очередной сессии ООН дал понять, что СССР готов сменить социальный строй, а в начале декабря 1989 года Горбачев с Бушем уже встретились на Мальте. Буш требовал реформировать общество, предоставить возможность странам Восточной Европы идти своим путем. Но начинать надо было с вывода советских войск из Европы. По всем этим позициям Горбачев

капитулировал перед Америкой. На Мальте он окончательно созрел для перехода в капиталистическую веру.

2. Экономика в результате горбачевской перестройке к 1991 году находилась на грани катастрофы. Главная причина — распад хозяйственных связей, массовый переход к бартерным отношениям. То, что формировалось десятилетия и даже столетиями. Производство в промышленности и сельском хозяйстве падало. Соглашения и обязательства не выполнялись. Многие предприятия вообще не заключали договоры по кооперативным поставкам. От этого страдало производство экспортных товаров, сокращалось поступление валюты.

В этот хаос вклинились забастовки, особенно серьезно сказывалось падение добычи угля. Из-за этого сокращался выпуск кокса, падало производство металла и ряда других важнейших продуктов.

Особенно сложное положение сложилось с финансами. Со стороны союзных республик начались деструктивные действия. Россия перестала отчислять деньги в союзный банк.

«Горбачёв был для нашей Родины жуком-короедом. Он действовал по принципу Клаузевица: Россию можно победить только изнутри. Вот и побеждал, грыз корни, а дерево сохло и умирало. Ему помогали в этом Эдуард Шеварднадзе, Александр Яковлев и другие пристяжные к ним личности (см. В. Фалин - https://sovsojuz.mirtesen.ru/blog/43348984893/-Banda-chetyiryoh-i-Gorbachyov?utm_referrer=mirtesen.ru&utm_campaign=transit&utm_source=main&utm_medium=page_0&domain=mirtesen.ru&paid=1&pad=1).

3. Реальная власть все в большей мере переходила к республикам. В них бурно развивался процесс суверенизации, избрания своих президентов. Принимались

решения, отражающие интересы только «своих» республик, игнорировались постановления Кабинета министров СССР и указы президента СССР. В стране развернулась активная борьба с центром. Пытаясь обособиться, защитить свой суверенитет, руководители республик все реже приходили к взаимопониманию. Сокращалось поступление налогов в союзный бюджет. Министр финансов СССР докладывал, что на середину 1991 года в бюджет не поступило 50 млрд рублей. Российская Федерация из своего бюджета не представила ни копейки. Эмиссия за полгода достигла 28 млрд рублей. Все держалось на резервах государства, его запасах золота, других драгоценных металлов и камней. Выхода из этого тупика без принятия решительных мер уже не было. Экономисты подготовили предложения по переходу к рынку за 300–500 дней, но президент ни на что так и не решился. Он, по существу, уже давно плыл «по воле волн», все более погружаясь в пучину сам и увлекая за собой огромное государство. Если бы М.Горбачев осуществил бы своевременно реформу по децентрализации управления, которую мы в 1988 году начали в Эстонии разрабатывать, то он бы выбил тем самым почву из-под ног сепаратистов. Причем в процессе работы с республиками я видел с их стороны понимание необходимости такого координирующего (а не указующего) органа, как Минтруд, кроме, пожалуй, Российской Федерации, Президент которой Б.Ельцин проводил политику бескомпромиссной и беспощадной войны с центральной общесоюзной властью, добиваясь развала СССР. В социальной сфере он использовал набор популистских мер, которые подрывали основы межреспубликанского сотрудничества, вели к разбалансированию денежного обращения и обострению дефицита на рынке товаров народного потребления и услуг

4. Фигура умолчания М.Горбачева - Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами страны не подняла его авторитет, а в глазах многих, и прежде всего

военных, он потерял все. Веры ему больше не было, и это стало одной из причин расширяющейся бездны между президентом СССР и офицерским корпусом, всей армией.

5. Вопреки всем своим обещаниям, без референдума, с нарушением Конституции СССР республики Прибалтики «отстегнулись» от Союза, образовав прореху в экономике, обороне. Но главное в том, что остались беззащитными сотни тысяч русских, украинцев, белорусов, которых демократствующие лидеры прибалтов не считали за людей.

6. М. Горбачев ошибся, сделав ставку не на ГКЧП, а на Б. Ельцина и его сторонников-«демократов». Б. Ельцин не мог допустить двоевластия ни в лице М. Горбачева, ни в форме ГКЧП. Он отдал приказ об аресте членов ГКЧП и окончательно разрушил СССР в Беловежской пуще.

И уже 27 декабря 1991 года рано утром хозяином кабинета в Кремле стал Б. Н. Ельцин. По этому случаю Джордж Буш прервал отдых в своей загородной резиденции, поспешил выступить с телеобращением к американскому народу: «Советского Союза больше нет. Это — победа нравственной силы наших ценностей. Каждый американец может гордиться этой победой — от миллионов мужчин и женщин, которые служили нашей стране в вооруженных силах, до миллионов американцев, которые поддерживали свою страну и крепили оборону в период правления десяти президентов».

7. После августовских событий М. С. Горбачев, напуганный происшедшим, быстро сложил с себя полномочия генсека и отмежевался от КПСС. Именно с его благословения и в его присутствии она была распущена и ликвидирована

Как только М. С. Горбачев в августе 1991 года отказался от поддержки КПСС, то через четыре месяца он лишился

всего — президентской власти, какого-либо политического влияния и превратился в пенсионера.

8.И в заключение следует подчеркнуть, что в основе всех событий до путча, во время путча и после него были объективные закономерности во всех сферах общественной жизни, о которых речь шла выше.

Дэн, профессор - Паульман Валерий Федорович

Список произведений, посвященных ГКЧП

1. В. Ачалов – «Мера воздействия – расстрел. Я скажу Вам правду». Книга вторая. Издательство: «Книжный мир». 2010 г.
2. Б. Болдин – «Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева». Издательство "Республика", 1995 г.
3. В. Варенников – «Дело ГКЧП». Издательства «Алгоритм», «Эксмо». 2010 г.
4. В. Варенников, В. Павлов, Г. Янаев – «Крючков. КГБ накануне путча». Издательство «Алгоритм», 2013 г.
5. В. Грушко – «От КГБ до ФСБ (поучительные страницы отечественной истории). книга 1 (от КГБ СССР до МБ РФ)». Электронная книга - <https://history.wikireading.ru/163915>.
6. В. Дрожжин – «200 лет вместе. Ликвидация СССР и сионизм». Издательство: Алгоритм. 2009 г.
7. В. Исаков – «Мятеж против Ельцина. Команда по спасению СССР». Издательство: «Эксмо», 2011 г.
8. В. Исаков – «Хроника крупнейшей геополитической катастрофы XX века. Кто и как развалил СССР». Издательство «Книжный мир», 2012 г.
9. В. Крючков – «О КГБ, ГКЧП и Путине». Электронная книга - <https://history.wikireading.ru/348657>.
10. Л. Кравченко – «Лебединая песня ГКЧП». Издательства «Эксмо», «Алгоритм», 2010 г.
11. А. Лукьянов – «Август 91-го. А был ли заговор?». Издательства «Эксмо», «Алгоритм», 2010 г.
12. В. Павлов – «Август изнутри. Горбачев путч». Издательство «Деловой мир» 1993 г.

13.Б.Олейник, В.Павлов, Н.Рыжков – «Иуда. Анатомия предательства». Издательство «Алгоритм-Книга», 2010 г.

14.В.Павлов, Б.Олейник, Ф.Бобков – «Неизвестный Горбачев. Князь тьмы». Издательство «Алгоритм» 2011 г.

15.Н.Рыжков – «Главный свидетель. Дело о развале СССР». Издательство «Алгоритм» 2012 г.

16.Н.Рыжков – «На острие проблем». Издательство: «Алгоритм», 2018 г.

17. В.Широнин – «Агенты перестройки. Рассекреченное досье КГБ». Издательства «Эксмо», «Алгоритм». 2010 г.

18.О.Хлобустов – «Август 1991 г. Где был КГБ?». Издательство «Эксмо», 2011 г.

19.Г.Янаев – «ГКЧР против Горбачева. Последний бой за СССР». Издательство «Эксмо» 2010 г.

20.Д.Язов, В.Крючков, Г.Янаев – «ГКЧП. Был ли шанс?». Издательство «Алгоритм» 2016 г.

Приложение 2

Выступление Владимира Бушина на VII съезде писателей России (14 декабря 1990 года)

— Поскольку мы с вами, уважаемые товарищи, все тут завзятые плюралисты, и не только в сфере содержания, но, надеюсь, и формы, то я счел возможным в своем выступлении непосредственно обратиться к нашему президенту.

Дорогой Михаил Сергеевич!

Сегодня заканчивается седьмой съезд писателей России. В своих последних речах и выступлениях, в частности, во время встречи с деятелями культуры 28.11.1990 г., вы вдруг стали вспоминать, что вы русский. И один дед, которого раскулачили, был у вас русский, и дед другой, который сидел в тюрьме, — тоже русский. Поэтому наш съезд, вроде бы, должен заинтересовать вас не только как руководителя страны.

Все четыре дня мы работали в Центральном театре Советской Армии. Это невольно приводило на ум разного рода воспоминания и соображения военного характера. В частности, некоторые из нас вспомнили, что вы имеете звание полковника. (Движение в зале).

Это звание, как стало недавно известно из военной прессы (ВИЖ, № 10, 1990, с. 95), вы получили в 1978 году, когда Брежнев и Суслов взяли вас, молодого и энергичного строителя «казарменного социализма», как теперь вы сами выражаетесь, из Ставрополя в Москву и сделали секретарем ЦК партии по сельскому хозяйству. Зачем секретарю по сельскому хозяйству полковничье звание, это известно разве что только такому знатоку сельской жизни, как народный депутат Юрий Черниченко, и такому спецу по цековским нравам и обычаям, как народный депутат Федор Бурлацкий — известному хрущевско-брежневскому спичрайтеру.

Но как бы то ни было, а факт остается фактом. И надо думать, что тогда, двенадцать лет назад, вам выдали шинель и китель с погонами, папаху, сапоги со шпорами и бинокль. Последний предмет был для вас просто необходим: с его помощью вы могли лучше видеть, как зреют на полях страны урожаи и как выполняется Продовольственная программа, которой вы лет семь руководили. (Смех в зале).

На протяжении всей работы съезда мы ждали от вас, высокого русского лидера, доброй весточки. И мы не удивились бы, а только обрадовались, если в один из этих четырех дней распахнулась бы входная дверь и вы, поскрипывая сапогами, позвякивая шпорами, поправляя рукой кобуру, прошли бы в президиум и сели рядом с полковником в отставке Михалковым. (Шум в зале, смех).

Увы, мы не дождались ни вашего прихода, ни даже весточки. Но мы не в обиде, мы понимаем, как много у вас дел. Как раз в эти дни проходил съезд энергетиков — надо же было послать им правительственную телеграмму. Умер Арманд Хаммер, драгоценный печальник России — надо было выразить соболезнование. Какой-то негодяй ранил в плечо известного журналиста ленинградского телевидения Александра Невзорова — нельзя было и это оставить без вашего высокого внимания, как в свое время вы не обошли, кажется, вниманием сотни безвестных жертв Сумгаита, Баку, Оша, Ферганы, Намангана, Дубоссар... А тут еще, видимо, вы не в силах были оторваться от замечательной книги газетных статей Евгения Евтушенко «Политика — привилегия всех», о которой так проникновенно сказали, еще не дочитав ее, на последней встрече с деятелями искусства. Судя по всему, книга кормчего нашей поэзии произвела на вас гораздо большее впечатление, чем письмо 74 писателей о бедах Родины (потом к нему присоединились сотни, тысячи авторов), на которое вы не ответили.

Словом, нет, мы не обиделись. Кое-кто в кулуарах съезда говорил, что надо было послать вам персональное приглашение. Но другие считают, что это бесполезно. Пригласили же вас недавно на свой съезд шахтеры, но вы все равно не смогли порадовать их своим присутствием: надо было принять премьер-министра Люксембурга, еще разочек проштудировать статью Солженицына «Как нам обустроить Россию», побеседовать с очаровательной Джейн Фонда... Короче говоря, дел было, как всегда, под завязку.

Да, повторяю, мы не в обиде. Больше того, пользуясь случаем, мы от души поздравляем вас с Нобелевской премией. А тот факт, что от вашего имени ее получил в Осло накануне нашего съезда член Союза писателей известный поэт-мидовец Анатолий Ковалев, особенно радует нас. Мы расцениваем это как выражение особого доверия к Союзу писателей России.

Заодно мы поздравляем вас также с индийской премией Индиры Ганди, с ирландской премией «Конвент мира», с испанской премией принца Астурийского, с итальянской премией Фьюджи, с немецкой золотой медалью Отто Хана. Теперь, полковник, международных наград у вас больше, чем было Золотых Звезд у маршала Брежнева. (Смех в зале). Поздравляем и с этим. Но должны отметить одну странную закономерность: чем хуже положение у нас в стране, тем более высокую и престижную премию вам дают. С чего бы это?

В сиянии наград, что сыпятся на вас из-за «бугра», выглядят совершенно непонятно и крайне огорчают такие, например, ставшие

известными на последнем Пленуме ЦК КПСС факты — выступление А.С. Савкина и других, как все более громкие и многочисленные голоса, выражающие вам недоверие и даже требующие вашей отставки. А на последнем съезде депутатов России известный всей стране писатель В. Белов сказал: «В жестокой, изнуряющей политической борьбе наши лидеры мало думают о русском народе. И вы, депутаты, должны, обязаны выдвинуть из своей среды новых энергичных, умных и молодых лидеров». В сущности, это то же требование дать отставку и вам, и Ельцину, и Яковлеву, и Хасбулатову со Старовойтовой.

Некоторые злопыхатели доходят до того, что перестройку, ваше любимое и непредсказуемое детище, называют катастрофой, контрперестройкой и даже контрреволюцией (см. ЛР, № 51, 1990, с. 10). Это что же у них получается? Выходит, что Яковлев, лучший идеолог всех времен и народов, это контрреволюционер № 1, вы — контрреволюционер 2, Шеварднадзе — № 3, Ненашев — № 4, Ельцин, который все время подчеркивает, что расходится с вами только тактически, — № 5?.. Боже милостивый, и все это говорят люди, у которых нет даже медали «За спасение утопающих»! (Взрыв хохота).

Надо заметить, что в этой ситуации очень странно выглядят люди, в том числе отдельные писатели, которые совсем недавно на страницах «Московских новостей» (№ 52, 1988) клялись вам в дружбе и верности, — Григорий Бакланов, Александр Гельман, Даниил Гранин, а еще Элем Климов, академик Сагдеев, Михаил Ульянов. Помните их коллективное «Открытое письмо» накануне 1989 года? Они писали: «Через три месяца нам предстоит избрать тех, в чьи руки будет передана вся полнота государственной власти. Мы еще не знаем, какие имена будут внесены в избирательные бюллетени. Точно знаем только одно: каждый из нас весной 89-го года будет голосовать за вас...» «Даже если кандидатура М.С. Горбачева окажется не в тех бюллетенях, которые мы получим...». Подумать только, избирательная кампания еще не начиналась, кандидатуры не выдвинуты, а они уже спешили, уже заверяли на шести языках мира в своей любви, давали подписку в своей преданности, уже мчались за сковородкой, дабы угостить вас яичницей сразу, как только снесет яичко та курочка, которая пока еще в гнезде. (Общий хохот).

Так вот, не странно ли, что теперь, когда вас так резко критикуют, когда требуют вашей отставки, эти суетливые курощупы глухо молчат? Допустим, Роальд Сагдеев, наш академик в экспортном исполнении, сейчас за океаном, занят укреплением советско-американской дружбы посредством несколько поздноватого брачного союза с американской миллионершей. Но что же молчат Бакланов и Гельман? Почему на Съезде народных депутатов не возвысят гневный голос в вашу защиту Гранин и Ульянов? Ну, уж Гранин-то ладно, его герой Тимофеев-

Рессовский мог во время войны жить в Германии и работать на фашистов. Но Ульянов! всю жизнь играл в кино роль маршала Жукова. Того самого, который в свое время защитил и спас Хрущева. Где же, спрашивается, у дважды народного Ульянова связь между искусством и жизнью?

Молчат и обласканные вами академики: Арбатов, Аганбегян, Гольдманский, Емельянов, Заславская... Вопреки вашим надеждам, какими же все они оказались неперспективными! (Смех, аплодисменты).

Впрочем, Михаил Сергеевич, обижаться на всех этих народных курощупов, не защищающих вас, вы едва ли вправе. Ведь за шесть лет своего лидерства вы и сами никого не защитили. Так, как это надлежит генеральному секретарю, президенту, главнокомандующему, вы не защитили от клеветы и поношения ни партию, которая подняла вас на самую высокую вершину, ни армию, которая в 1943 году спасла вашу семью от оккупации и порабощения, ни сам русский народ, кровь которого течет в ваших жилах.

Вы не защитили даже своих ближайших товарищей по работе — ни Лигачева, ни Рыжкова, ни Афанасьева, ни хотя бы того же Яковлева, которого вы принародно на Ивановской площади Кремля называли Сашей. Конечно, каждый из них за что-то заслуживает критики, но ведь не зря Тарас Бульба (кстати, как и вы, полковник) говорил: «Нет уз святее товарищества!.. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей». (Бурные аплодисменты). Нет, не зря так говаривал беспартийный полковник Бульба. (Аплодисменты).

Вы помните, как казнили попавшего в плен Остапа? «Палач сдернул с него ветхие лохмотья: ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки... Напрасно король и многие рыцари, просветленные умом и душой, представляли, что подобная жестокость наказаний может только разжечь мщение казацкой нации. Но власть короля и иных мнений была ничто перед беспорядком и дерзкой волею государственных магнатов, которые своей необдуманностью, непостижимым отсутствием всякой дальновидности, детским самолюбием и ничтожною гордостью превратили сейм в сатиру на правление...» Не знакомо ли вам, Михаил Сергеевич, все это по нынешней прозе: и жестокость, и мщение, и необдуманность, недальновидность, ничтожная гордость и, наконец, сейм, превращенный в сатиру на правление?

«Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стоны не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему руки и ноги, когда ужасный хряск их послышался среди мертвой толпы отдаленных

зрителей... Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: «Добре сынку, добре!».

Но когда подвели Остапа к последним смертным мукам — казалось, будто стала подаваться его сила... «О, — повел он очами вокруг себя, — Боже, все неведомые, все чужие лица! Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотел бы услышать рыданий и сокрушений слабой матери или безумных воплей супруги, хотел бы он теперь увидеть твердого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою и воскликнул в душевной немощи:

— Батько! Где ты? Слышишь ли ты?

— Слышу! — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно мгновение вздрогнул...» (Шквал аплодисментов).

Не так ли нашу родину возводят на эшафот ныне, не так ли ей ломают руки и ноги, не так ли и к вам, президент, несутся, заглушая ужасный хряск, отчаянные клики со всех концов державы на всех языках, что ни есть в ней: «Батько! Где ты? Слышишь ли ты?!» (Гром аплодисментов). Если раздалось бы в ответ громовое полковничье «Слышу!», то весь трехсотмиллионный народ вздрогнул бы в одно мгновение и воспрял духом. Но нет никакого ответа, и только «летят над страной словно из уст Андрия мертвые слова: «консенсус», «приватизация», «спонсоры»... (Бурные аплодисменты).

Здесь, в театре Советской Армии, с благодарностью вспомнили мы и о том, Михаил Сергеевич, что из своих гонораров вы пожертвовали изрядную сумму на памятник Василию Теркину — литературному герою Великой Отечественной войны. Из статьи «Известий», бодро озаглавленной «Автор неустрашимого Чонкина вновь москвич», мы узнали, что вы приняли живое участие в житейских делах, в частности, квартирных, создателя этого самого Чонкина — другого литературного героя войны.

Итак, одной рукой — за Теркина, другой рукой — за Чонкина. Прекрасно! Кто же после этого может обвинить нас в односторонности! Хочется думать, видя такую вашу широту, что теперь вы поможете с квартирой и своему товарищу по Политбюро И.К. Полозкову, которому Попов и Станкевич не дают московской прописки. Чем черт не шутит, может, вступитесь и за Литфонд Союза писателей России, который как раз в те дни, когда автор Чонкина получал ордер на новую благоустроенную квартиру, был вышвырнут из помещения на Красноармейской улице. (Аплодисменты).

Со своей стороны мы готовы делить с вами все заботы и тяготы нынешних дней. Это не слова. Вот конкретное доказательство. После того, как от имени нашей страны ваш друг и единомышленник Шеварднадзе проголосовал за резолюцию Совета Безопасности № 678, вы, вероятно, озабочены тем, где найти воинские контингенты, чтобы после 15 января во исполнение этой резолюции бросить их, если потребуется, против Ирака, с которым у нас с 1972 года договор о дружбе, — бросить в войну, спланированную американцами.

Так вот, желая помочь вам, мы здесь на съезде уже изыскали один такой контингент. Это — около двухсот народных депутатов России, которые на своем съезде, как выявило поименное голосование, не нашли нужным возражать против нашего военного участия в кризисе на Ближнем Востоке.

Но это не все. Вы знаете, что из 18 членов Президентского совета только двое служили в армии, а из 24 членов нового Политбюро только трое. Для более ясного осознания этих фактов примем в расчет, что, допустим, в Священном Синоде Русской православной церкви картина обратная той, что мы видим в Президентском совете: там лишь двое НЕ служили в армии, ибо в духовные семинарии и академии принимают только тех, кто уже отслужил действительную. (Смех, аплодисменты).

Это с одной стороны. С другой, посмотрите на Америку. Сегодня нас то и дело призывают к этому. Там первым президентом после войны был Эйзенхауэр — главнокомандующий союзными войсками. Потом был Кеннеди, который тоже воевал, был ранен, чуть не утонул. Нынешний президент воевал летчиком, был сбит, едва остался жив. Словом, все это настоящие мужики, доказавшие свою верность родине так, как мужикам подобает. Руками, окрепшими на военной службе, они вели и ведут свой государственный корабль.

Разумеется, мы вовсе не хотим бросить тень на всех, кто не служил в Армии. Причины могут тут быть разные, в том числе и такие уважительные, как белый билет. Но все-таки трудно надеяться, что команда, составленная почти целиком из белобилетников, во главе с полковником-белобилетником, главнокомандующим-белобилетником может вывести народ из окружения бед, несчастий, катастроф. (Аплодисменты).

Однако в конкретной ситуации, созданной голосованием Шеварднадзе в ООН, специфический состав Президентского совета и Политбюро представляется немалым преимуществом. Ведь из их членов, не изможденных солдатской службой, заряженных энергией нового мышления, можно составить еще один отряд и при нужде бросить в сыпучие пески аравийской земли, где когда-то, как писал поручик

Лермонтов, «три гордые пальмы высоко росли». За это вам могут дать еще и Ленинскую премию мира. (Смех, аплодисменты).

В заключение просим вас передать наши поздравления вашему другу, а, может быть и учителю, Александру Николаевичу Яковлеву. Сегодня он стал академиком. Говорят, в Литве собирают средства на сооружение ему прижизненного памятника. Не исключено, будут ему памятники и в Грузии, и в Молдавии.

Всего наилучшего. С неизбывным уважением, Владимир Бушин, капитан запаса. (Аплодисменты).

Примечание.

Вскоре после выступления В. Бушина слово для реплики попросил народный депутат СССР, Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Государственной премии В.П. Астафьев. Он назвал выступление Бушина «диким вздором».